А 158/382
желябужский

А 138
382.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

А 158
382.

СУВОРОВЪ.

Е. Желябужскаго.

Изданіе народнаго журнала „Грамотей“.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій переул., № 5.
1873.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

СУВОРОВЪ.

Е. Желябужскаго.

Изданіе народнаго журнала „Грамотей“.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій переул., № 5.
1873.

Дозволено цензурою. Москва, 3 іюля 1873 года.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

СУВОРОВЪ.

«Цари меня хвалили, солдаты любили, друзья мнѣ удивлялись, враги меня ругали, придворные надо мною смѣялись. Езопомъ являясь при дворахъ, побасенками говорилъ я правду, былъ Балакиревымъ для пользы отечества и пѣлъ пѣтухомъ, пробуждая сонливыхъ; а родись я Цезаремъ, я былъ бы гордъ, какъ онъ, но удержался бы отъ его пороковъ», говорилъ о себѣ Суворовъ—этотъ странный человѣкъ, которому въ свое время удивлялась вся Европа и старалась разгадать, хотя и напрасно. Немногіе, поняв̀ши его какъ слѣдуетъ, отдавали ему должное; для многихъ же онъ остался чудакомъ, которому покровительствовала фортуна, — и больше ничего. Къ послѣднимъ принадлежала и бо̀льшая часть сослуживцевъ Суворова, изъ коихъ однимъ мѣшала знать его зависть, другимъ недостатокъ понимающей способности, для нѣкоторыхъ же было рѣшительно все равно,—

они и сами не знали себя; а отчего же другой разъ не поточить, что называется, язычекъ, не посудить о человѣкѣ, не поискать въ немъ чего-нибудь такого, за что бы можно было прицѣпиться,—въ Суворовѣ же было много этого. Мы же съ своей стороны скажемъ о Суворовѣ, что въ немъ не было ничего страннаго — такого, что не было бы вызвано временемъ и обстоятельствами; а былъ онъ человѣкъ умный и образованный на рѣдкость тогдашнему времени, понималъ свое дѣло лучше другихъ, хорошо умѣлъ соображать обстоятельства и пользоваться ими,—вообще былъ человѣкъ, какихъ мало было въ то время. Доказательствомъ такого сужденія о немъ служитъ вся его жизнь съ того времени, какъ онъ началъ сознавать себя.

ГЛАВА I.

Отецъ Суворова, Василій Ивановичъ Суворовъ *), жилъ въ безвѣстномъ сельцѣ Коншанскомъ въ то время, какъ у него родился сынъ Александръ, впослѣдствіи тотъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, котораго знала вся Европа. О собственно дѣтскихъ годахъ Суворова сказать нечего, кромѣ развѣ того, что его поили и кормили, лелѣяли и холили какъ барченка, какъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которые имѣли счастіе родиться въ то время и подъ такой счастливою звѣздой. Затѣмъ, по соображеніямъ ли отца, или потому что мать Суворова умерла, онъ отданъ былъ подъ надзоръ дядьки—солдата, служившаго подъ начальствомъ Василія Ивановича, бывшаго во многихъ сраженіяхъ и видѣвшаго многое на своемъ вѣку.

*) Генералъ, крестникъ Петра Великаго, служившій при немъ, потомъ при Елизаветѣ и закончившій свое служебное поприще въ царствованіе Екатерины Великой.

Съ этого-то времени и начнется нашъ разсказъ.

Не-смотря на ревностное откармливаніе, ребенокъ оказался слабаго тѣлосложенія, такъ что отецъ, смотря на него съ сожалѣніемъ, заранѣе предназначалъ ему сферу дѣятельности на гражданскомъ поприщѣ. Сообразно съ этимъ назначеніемъ начинается образованіе Саши (такъ будемъ пока называть Суворова).

Въ то время на Руси существовалъ обычай записывать на службу дѣтей чуть не съ колыбели, — вѣроятно для соглашенія родительской заботливости о дѣтяхъ съ постановленіемъ Петра Великаго, по которому дворяне обязаны были начинать службу военную и гражданскую съ низшихъ чиновъ. Василій Ивановичъ, не сочувствуя этому обычаю, не воспользовался имъ для своего сына. Искренно желая добра своему Сашѣ и на первомъ планѣ ставя благосостояніе Россіи, онъ не хотѣлъ, чтобъ изъ его сына сдѣлался тунеядецъ, которыхъ и безъ того было много въ то время; онъ желалъ видѣть въ немъ настоящаго сына своему отечеству и полезнаго члена обществу,—хотѣлъ, чтобы сынъ его былъ чиновникомъ дѣльнымъ и знающимъ, и для этого заставилъ его учиться. Тогда въ Россіи за большія деньги трудно было найти хорошаго учителя. Въ силу этого обстоятельства, Василій Ивановичъ, будучи однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, самъ занялся воспитаніемъ Саши. Подъ его руководствомъ, имѣя хорошія способности и охоту къ ученью, Саша скоро основательно изучилъ языки французскій и нѣмецкій, познакомился съ польскимъ и итальянскимъ, изучилъ математику, географію, исторію; вмѣстѣ читали они Плутарха, Корнелія Непота и другія образцовыя сочиненія греческихъ и римскихъ писателей. Всѣ эти занятія сдѣлали изъ Саши необыкновенно образованнаго, по тогдашнему времени, мальчика. Многіе изъ стариковъ могли бы похвалиться тѣмъ, что зналъ онъ Радовался Василій Ивановичъ,

съ любовію заглядываясь на своего умника сына; сравнивая его съ тогдашнимъ мало образованнымъ чиновнымъ людомъ, онъ заранѣе старался угадать, какъ далеко пойдетъ образованный сынъ его. Таковы всѣ вообще родители!.. И дѣйствительно, Саша пошелъ далеко, хотя и не на томъ поприщѣ, какое предназначали ему.

Видъ отца — браваго генерала и воинственные разсказы солдата-дядьки породили въ немъ сильное желаніе сдѣлаться военнымъ. Какъ и всѣ вообще дѣти, Саша охотно слушалъ страшные разсказы своего дядьки про тѣ сраженія, въ которыхъ тотъ бывалъ, и невольно своею живою фантазіей переносился на поля битвъ, живо представляя себѣ грохотъ барабановъ, громъ пушекъ, крики сражающихся и стоны умирающихъ; онъ до того иногда увлекался этими фантастическими образами, что забывалъ все окружающее и нерѣдко, схвативши линейку или еще что-либо, начиналъ ими размахивать, какъ бы предводительствуя арміей и призывая ее въ битву.

Не мало на рѣшимость Саши идти въ военную службу повліяло и чтеніе книгъ изъ библіотеки отца, между которыми большая часть была военнаго содержанія. Особенно же пристрастился Саша къ Плутарху и Корнеліо Непоту. Такое чтеніе настроило душу его къ высокимъ помысламъ, вселило въ него честолюбіе и любовь къ славѣ, изъ всѣхъ родовъ которой болѣе всего ему нравилась слава воинская,—и вотъ онъ принялся усердно читать походы Александра Македонскаго, Цезаря и другихъ полководцевъ древняго міра.

Случалось, утомленный, онъ засыналъ надъ чтеніемъ о жизни какого-либо героя. И вотъ онъ снова видитъ во снѣ этого героя. Живо проносятся предъ нимъ картины событій, не задолго предъ тѣмъ прочитанныхъ,—лица какъ будто все знакомыя, онъ съ ними, кажется, жилъ. Вотъ проносится предъ нимъ стройно молодецки-лихая кавалерія; далѣе спокойно,

мѣрнымъ шагомъ идетъ пѣхота; слышна музыка, раздается грохотъ барабановъ, ударила пушка, другая, третья—и пошла потѣха. Силится Саша разгадать своимъ, плохо дѣйствующимъ, сознаніемъ, что такое происходитъ вокругъ него.... «Зачѣмъ онъ тутъ, кто онъ», оглядываясь кругомъ, думаетъ Саша,—«и зачѣмъ эти офицеры стоятъ около меня и такъ внимательно смотрятъ, какъ будто ожидая приказанія?» Наслу Саша могъ догадаться, что онъ полководецъ, что въ его распоряженіи и кавалерія, такъ недавно вихремъ промчавшаяся въ аттаку, въ его же распоряженіи и пѣхота, смѣло, не-смотря на непрерывную пальбу, идущая въ штыки на непріятеля. Храбро бросился тогда Саша на непріятеля, крича во все горло: «Ура! Впередъ ребята!»... И вдругъ все исчезло. Саша проснулся, и что же? О, разочарованіе!... Протирая глаза, вмѣсто поля сраженія онъ видитъ себя въ своей комнатѣ, безъ генеральскаго мундира, въ одномъ бѣльѣ, съ книгой въ рукахъ вмѣсто шпаги и, въ заключеніе всего, полусонную фигуру дядьки съ сальнымъ огаркомъ въ рукахъ.

— Что такое, Ликсанъ Василичъ, съ вами только это дѣлается? Блажите по ночамъ, да и на поди!... И съ чего бы кажись?! Дивись, парень-то былъ бы непутящій, не богомольный, а то кажинный-то Божій праздникъ все у церкви: поетъ-те и читаетъ настоящій, баитъ, дьячекъ нашъ Кузмичъ, а тутъ бѣсится,—подишь ты! И все это книги заморскія, — пусто-бъ имъ было, провались хоть бы онѣ, окаянныя, въ таръ-тарары,—совсѣмъ заколдовали онѣ васъ, Ликсанъ Василичъ. Ну, гдѣ это видано до сей поры читать? Индо пѣтухи запѣли, а онъ все читаетъ, читаетъ,—ну, вотъ и навожденіе. Ишь лобъ-то раскроилъ, словно крѣпость прошибалъ. Дайко-сь потру гривной. У насъ и все, бывало, при батюшкѣ Петрѣ Великомъ, неловко наскочишь на прикладъ

али што,—сичасъ пятакъ—и разотрешь, въ одинъ секундъ пройдетъ,—такъ-тось!

Молча слушалъ Саша разглагольствованія своего дядьки, не понимая, впрочемъ, что онъ говоритъ. Потирая ушибенный лобъ, онъ усиливался разгадать, какъ могла случиться такая быстрая перемѣна въ его положеніи,—и дѣйствительность скоро брала свое. Догадавшись, въ чемъ дѣло, Саша, помолившись Богу, ложился спать. Часто повторялись подобныя произшествія съ Сашей, и все сильнѣе и сильнѣе становилось въ немъ желаніе идти въ военную службу и тамъ прославиться, какъ и его любимые герои древности; чаще и серьезнѣе сталъ задумываться онъ надъ планомъ привести въ исполненіе свою любимую мечту. Но долго бы пришлось ему продумать объ этомъ и, по всей вѣроятности, навсегда пришлось бы распроститься съ своею мечтой, еслибы не помогъ ему одинъ генералъ, другъ его отца. Но когда еще это случится, а мы пока взглянемъ на внѣшнюю жизнь нашего народнаго героя.

При сильномъ желаніи быть военнымъ, превратившемся, не-смотря на несогласіе на то со стороны отца, въ увѣренность, Сашу обезкураживало одно обстоятельство: не смотря на свойственное всѣмъ вообще дѣтямъ самообольщеніе относительно своего здоровья и силы, Саша однако хорошо сознавалъ слабость своего тѣлосложенія, столь несогласнаго съ трудностями военной службы, о которой онъ уже имѣлъ достаточное понятіе изъ книгъ, и невольно приходилъ отъ этого въ отчаяніе. Однако, отчаяніе продолжалось не долго. Находчивость мальчика, сдѣлавшаяся впослѣдствіи отличительною чертой его характера и не мало помогавшая ему одерживать почти невѣроятныя побѣды, помогла-таки найти средство пособить горю.

Между его любимыми героями, съ которыми онъ постоянно сравнивалъ себя, нашлись и такіе, которые, не-смотря на

слабость своей организаціи, удачно переносили всѣ трудности военнаго быта, заранѣе укрѣпивши тѣло свое различными упражненіями. До невѣроятности усидчивый доселѣ въ своихъ учебныхъ занятіяхъ, теперь онъ положилъ себѣ за правило часть времени удѣлять и на тѣлесныя упражненія. Скоро купанье до глубокой осени, бѣганье и ѣзда верхомъ сдѣлались его любимыми забавами. Горе пришло дядькѣ Гавриличу. Не налюбуется, бывало, онъ на своего смирнаго воспитанника Сашу, а теперь откуда что берется?... Лишь выйдутъ на улицу,—глядитъ, а Саша далеко уже отъ него бѣжитъ, припрыгивая на одной ногѣ, черезъ канаву на лугъ, а тамъ роща, и Саша карабкается на первое попавшееся дерево; не успѣлъ еще Гавриличъ дойти до него, а Саша уже купается въ протекающей тутъ же рѣчкѣ. Насилу-то вышелъ оттуда Саша. Уже чѣмъ-нибудь питалъ его Гавриличъ: и увѣщаніями-то, и угрозою сказать папашѣ,—ничто не беретъ; пришлось дожидаться, пока Саша самъ захочетъ выйти. Одѣлся; пошли: Саша, по обыкновенію, припрыгивая на одной ногѣ, Гавриличъ — лѣниво плетется шагъ за шагомъ и, уныло понуривъ голову, раздумываетъ о быстрой перемѣнѣ своего воспитанника. Оглянулся—гдѣ Саша? А его уже и слѣдъ простылъ. Возвращаясь съ купанья, онъ замѣтилъ въ сторонѣ крестьянскую лошадь, съ большимъ аппетитомъ лакомившуюся сочною травой на господскомъ лугу. Живо къ ней: погладилъ, поласкалъ, распуталъ ноги, быстро вскочилъ ей на спину—и пошла писать.

— Ликсанъ Василичъ! Батюшка! Да побойтесь вы хоть Бога-то,—ну, гдѣ это видано?... Ахъ ты, Господи! Да остановитесь же! кричалъ Гавриличъ, запыхавшись и бѣгая за своимъ питомцемъ по лугу.—И что это такое сдѣлалось съ нимъ: такой сталъ упрямый, прости Господи, ни въ жизть-то не послушаетъ. Сызмальства ужь такой, а што-то большой будетъ! разсуждаетъ Гавриличъ, остановившись въ недоумѣ-

вающей позѣ. А Саша между тѣмъ, не-смотря на отчаянные возгласы своего дядьки, катаетъ во всю прыть — да и на, пока, наконецъ, измученная и вся взмыленная лошадь не отказывала въ повиновеніи своему всаднику. Такими-то и подобными упражненіями Саша старался укрѣпить свое тѣло, неуклонно преслѣдуя свою цѣль.

Занятый этими упражненіями, онъ однако не оставлялъ книгъ и съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и прежде, занимался ими; только занятія его въ этомъ случаѣ сдѣлались теперь опредѣленнѣе и осмысленнѣе. Болѣе времени онъ отдавалъ теперь книгамъ военнаго содержанія и со всевозможнымъ стараніемъ добивался знаній, могущихъ понадобиться въ военной службѣ; теперь свои любимыя книги онъ читалъ не просто какъ содержащія въ себѣ лѣтописи славныхъ дѣлъ извѣстныхъ мужей, но со вниманіемъ слѣдя за ходомъ событія. Читая описаніе какой-либо войны, онъ бралъ карту и внимательно слѣдилъ по ней за движеніемъ войскъ, чертилъ планы битвъ, пересматривалъ, снова составлялъ. Послѣднее привело его къ тому убѣжденію, что никакой планъ, заранѣе составленный, какъ бы ни былъ онъ хорошъ, не дастъ побѣды полководцу, если тотъ не съумѣетъ сообразить случайностей. Въ подобныхъ занятіяхъ Саша проводилъ большую часть времени и отдавался имъ всецѣло, не развлекаясь ничѣмъ посторонним. Его постояннымъ правиломъ было не начинать другаго дѣла, пока не сдѣлалъ одного: «За двумя зайцами погонишься, говорилъ онъ,—ни одного не поймаешь; поймай перваго, который ближе къ тебѣ, а тамъ и другой, можетъ, будетъ твой». Это хорошее правило впослѣдствіи очень много помогало Суворову въ удачномъ выполненіи возлагаемыхъ на него порученій.

Отдавшись весь своимъ занятіямъ, Саша дорожилъ для нихъ каждою минутой, а потому терпѣть не могъ баловъ и пирушекъ, которые случались иногда у его отца. При пер-

вомъ появленіи гостей, онъ запирался въ своей комнатѣ, обкладывалъ себя книгами, географическими картами, ложился на полу посреди ихъ, какъ въ крѣпости, и тогда никакими убѣжденіями нельзя было вызвать его къ гостямъ. Углубленный въ предметъ занятій, онъ какъ бы не слыхалъ и не видалъ ничего около себя. Разъ какъ-то въ то время, когда онъ, лежа на полу, читалъ свои книги, въ шутку унесли у него со стола все, что на немъ было, и онъ замѣтилъ такую продѣлку только тогда, когда пересталъ заниматься.

Начали судить о странномъ поведеніи Саши. Нѣкоторые осуждали его за чрезмѣрное пристрастіе къ книгамъ, и это были люди, обрекавшіе дворянство на невѣжество, считая науки недостойными его; но нашлись двое изъ гостей, которые восхищались Сашей; одинъ изъ нихъ выразилъ даже желаніе расцѣловать его. Дядька, не-смотря на причиняемыя иногда ему питомцемъ хлопоты, все-таки искренно привязанный къ нему, подхвативши эти слова, побѣжалъ въ комнату Саши.

— Ликсанъ Василичъ, пожалуйте вницъ, васъ тамъ расцѣлуютъ!

Саша, конечно, не могъ не слышать, но не отвѣчалъ: подобнаго рода тревога была уже не въ первый разъ, и Саша не хотѣлъ для отвѣта прерывать своихъ занятій. Но дядька не думалъ на этотъ разъ скоро отстать отъ своего воспитанника и, придумывая, какъ бы добраться до него, началъ ходить вокругъ Саши, обложеннаго, по обыкновенію, со всѣхъ сторонъ книгами и картами. Нагнувшись, чтобы дотронуться до его плеча, усердный хлопотунъ нечаянно какъ-то выронилъ изъ рукъ платье, которое было приготовилъ для своего барчика,—и прямо на карту, по которой тотъ въ то время водилъ пальцемъ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? сказалъ наконецъ Саша, сердито взглянувши на оторопѣвшаго дядьку.

— Да васъ тамъ расцѣлуютъ....

— Убирайся ты съ своими поцѣлуями! Пусть тебя расцѣлуютъ, если имъ припала охота цѣловаться.... Перебилъ на самомъ интересномъ мѣстѣ: я только-что шелъ- было съ войскомъ изъ одного города въ другой, а онъ и завалилъ все своимъ платьемъ!

Пошелъ дядька отъ Саши, какъ несолоно хлебалъ, и объявилъ гостямъ, что Александру Васильевичу цѣловаться теперь некогда,—идетъ съ войскомъ въ городъ. Не рѣдко повторялись такія сцены, и Сашу прозвали нелюдимымъ, хотя вовсе не нелюдимство, какъ мы уже сказали, было причиной его нелюбви къ гостямъ.

Такой образъ жизни Саши сильно тревожилъ отца его, который во что бы то ни стало все еще хотѣлъ опредѣлить своего сына въ гражданскую службу и уже мысленно перебиралъ своихъ знакомыхъ, ища между ними такихъ, которые бы могли посодѣйствовать ему въ этомъ. У старика былъ другъ и сослуживецъ, генералъ Ганнибалъ (арабъ, купленный Петромъ Великимъ) *); его-то и хотѣлъ-было Василій Ива-

*) Авраамъ Петровичъ Ганнибалъ, Негръ, родившійся въ знойной Африкѣ; на восьмомъ году своего возраста былъ похищенъ оттуда, привезенъ въ Константинополь, гдѣ купилъ его тамошній россійскій посланникъ и прислалъ въ С.-Петербургъ къ Петру Великому. Государь приказалъ окрестить его, самъ былъ воспріемникомъ его отъ купели и назвалъ Ганнибаломъ, въ память славнаго Карѳагенскаго полководца. Полюбивъ крестника за расторопность, остроту и чрезвычайную чуткость, онъ сдѣлалъ его своимъ камнердинеромъ. Ганнибалъ долженъ былъ почевать съ государемъ въ спальнѣ для разныхъ услугъ. Онъ разсказывалъ, что въ это время Петръ, просыпаясь, часто приказывалъ ему подносить себѣ свѣчу и аспидную доску, на которой записывалъ то, что ему нужно было, а послѣ, когда юный Негръ выучился русской грамотѣ, заставлялъ уже его записывать свои приказанія. Впослѣдствіи времени, желая образовать умъ своего крестника, онъ отправилъ его въ Парижъ. Кончивъ тамъ науки съ успѣхомъ, въ особенности по части инженерной, Ганнибалъ, съ высочайшаго соизволенія,

новичъ просить убѣдить Сашу пойти въ гражданскую службу и похлопотать объ опредѣленіи его. Но такова воля судебъ: кто избранъ былъ орудіемъ къ разрѣшенію любимой мечты Сашиной, тотъ-то и способствовалъ къ осуществленію ея.

Василій Ивановичъ однажды разсказалъ своему другу всю повѣсть своего Саши и просилъ его быть посредникомъ между ними. Ганнибалъ согласился. Нечаянно вошелъ онъ въ комнату Саши и, заставши его за книгами и планами, разсмотрѣлъ, чѣмъ онъ занимается, разговорился съ нимъ и, какъ человѣкъ умный, ясно понялъ желаніе Саши сдѣлаться военнымъ. Желаніе это было не пустая дѣтская мечта, но

вступилъ во французскую службу, участвовалъ въ войнѣ Испанской, былъ раненъ въ голову и возвратился въ Парижъ, гдѣ, предавшись всѣмъ удовольствіямъ этой шумной столицы, забылся до того, что не хотѣлъ ѣхать обратно въ Россію, боясь гнѣва Государева; но Петръ велѣлъ увѣрить его, что онъ можетъ возвратиться безъ всякаго опасенія. Ганнибалъ пріѣхалъ и явился къ Государю во французскомъ мундирѣ. Петръ сдержалъ свое слово, принялъ его милостиво и опредѣлилъ поручикомъ въ бомбардирскую роту, состоявшую при Преображенскомъ полку. По кончинѣ государя, Екатерина I приказала Ганнибалу обучать математикѣ великаго князя Петра Алексѣевича. Вскорѣ онъ возставилъ противъ себя Меншикова, тогда всемогущаго, который удалилъ его (1727 г.) въ Сибирь, подъ предлогомъ построенія города Селенгинска на другомъ мѣстѣ. Ганнибалъ, точно, прибылъ въ назначенное мѣсто, но не исполнилъ даннаго повелѣнія; отзываясь неопытностью, онъ отправился обратно въ Петербургъ, однакожъ былъ возвращенъ съ дороги опять въ Селенгинскъ, и въ 1729 году сослали его въ Томскъ, гдѣ содержали подъ стражею, выдавая ему на продовольствіе по 10 копѣекъ въ мѣсяцъ. По вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, Ганнибалъ бѣжалъ изъ мѣста своего заточенія, пріѣхалъ въ Петербургъ, явился къ графу Минниху, который присовѣтовалъ ему оставить столицу и скрыться куда-нибудь въ деревню, потому что Биронъ, управлявшій тогда кормиломъ государства, также не любилъ его. Ганнибалъ послѣдовалъ этому совѣту и въ уединеніи занимался сочиненіемъ, на французскомъ языкѣ, записокъ своей жизни; но одинъ

болѣе или менѣе обдуманное, серьезное намѣреніе. Восхищенный знаніями сына своего друга, вмѣсто того, чтобъ отговаривать его отъ военной службы, самъ же вызвался ходатайствовать за Сашу у отца. Возвратясь къ Василію Ивановичу, онъ началъ краснорѣчиво доказывать ему, какъ не хорошо идти противъ призванія ребенка — поступить въ военную службу—и принуждать къ тому, къ чему онъ вовсе не чувствуетъ ни малѣйшаго расположенія, и просилъ его не препятствовать Сашѣ. Послѣ долгихъ увѣщаній съ одной стороны и колебаній — съ другой, наконецъ, рѣшена была судьба Саши. Позвали его внизъ и, помолясь Богу, благословили на военные подвиги. Внѣ себя отъ радости, со слезами на глазахъ, Саша благодарилъ отца и старика Ганни-

разъ, услышавъ звуки ямскаго колокольчика близъ деревни, онъ вообразилъ, что курьеръ пріѣхалъ за нимъ, и сжегъ свою рукопись, которая должна быть любопытною. Наконецъ императрица Елизавета Петровна возвратила свободу любимцу своего родителя, опредѣлила его оберъ-комендантомъ въ Ревель (1743 г.), а потомъ генералъ-инженеромъ (1756 г.), украсила его орденомъ св. Александра Невскаго (30 августа 1760 г.) и наконецъ произвела въ генералъ-аншефы. Уже при Екатеринѣ II преклонная старость заставила его просить увольненія отъ службы, которое онъ и получилъ 9 іюня 1862 года. Послѣ этого онъ жилъ еще 20 лѣтъ. Онъ умеръ въ 1782 году на 92-мъ отъ рожденія. Ганнибалъ, какъ Негръ, былъ нрава горячаго, ревниваго и скупъ до чрезвычайности; онъ любилъ воспоминать о своемъ младенчествѣ, о жизни африканской; помнилъ, какъ приводили къ отцу его 19 старшихъ его братьевъ, съ завязанными за спину руками, потому что они осуждены были на продажу въ неволю; какъ онъ одинъ наслаждался свободою подъ фонтанами родительскаго дома; какъ любимая сестра его, Логань, плыла долго за кораблемъ, на которомъ его увлекали. О Петрѣ Великомъ всегда говорилъ онъ съ восторгомъ и со слезами. Славный нашъ поэтъ, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, былъ правнукъ Ганнибала и оставилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни своего прародителя въ примѣчаніяхъ къ первой главѣ «Онѣгина» (Энциклоп. Лексик. Плюшара, т. XIII).

бала и, крича во все горло: «Я солдатъ! Я солдатъ!»—побѣжалъ разсказывать про свое счастье дядькѣ. Такъ неожиданно кончилось у отца съ сыномъ тяжелое для обоихъ несогласіе относительно выбора службы. Теперь самъ отецъ сталъ помогать Сашѣ готовиться къ военной службѣ, руководя его въ изученіи фортификаціи *), артиллеріи и инженернаго искусства.

ГЛАВА II.

Въ годъ восшествія на престолъ императрицы Елизаветы, на 12 году отъ роду, Саша былъ записанъ въ гвардейскій Семеновскій полкъ рядовымъ и поступилъ, какъ говоритъ преданіе, въ кадетскій корпусъ для окончательнаго образованія и практическаго ознакомленія съ военною службой. Пять лѣтъ проучившись здѣсь и пріобрѣтши навыкъ къ фрунтовой службѣ, верховой ѣздѣ и фехтованью **), на 17 году перешелъ онъ капраломъ ***) въ дѣйствительную службу и только чрезъ семь лѣтъ, 25-ти лѣтъ отъ роду, получилъ первый офицерскій чинъ—поручика, съ переводомъ въ армейскій полкъ. Повышеніе, какъ видите, шло очень туго на первыхъ порахъ для Суворова (такъ будемъ теперь называть его); его товарищи-сверстники были уже генералами, но Суворовъ не завидовалъ имъ. Такое начало службы имѣло большое значеніе въ его жизни.

Бывши солдатомъ, Суворовъ велъ совершенно солдатскую жизнь, а не числился только въ спискахъ. Нужно было идти на караулъ, и Суворовъ шелъ съ радостію, хотя бы то было

*) Фортификація—наука о возведеніи укрѣпленій.

**) Фехтованіе—искусство биться на холодномъ ручномъ оружіи.

***) Въ Россіи это званіе введено было Петромъ I и означало младшаго унтеръ-офицера; нынѣ этого чина не существуетъ.

въ трескучій морозъ или ненастную погоду; происходило ученіе, и Суворовъ смирно стоялъ на ряду съ прочими солдатами; онъ самъ чистилъ свою аммуницію, хотя и имѣлъ средства нанять, какъ и дѣлали его товарищи. Вообще, что называется, Суворовъ не отлынивалъ отъ дѣла, а напротивъ искалъ его, желая въ совершенствѣ знать солдатскую службу.

Живя на вольной квартирѣ для свободы въ занятіяхъ, которыхъ и теперь, какъ и въ продолженіе всей своей жизни, онъ не оставлялъ, Суворовъ все свободное время проводилъ въ казармахъ, которыя всегда имѣли въ себѣ для него что-то привлекательное. Здѣсь онъ внимательно всматривался въ жизнь солдатъ, стараясь изучить ихъ характеръ, ихъ бытъ и узнать ихъ нужды; прислушивался къ ихъ разговорамъ, желая изучить такимъ образомъ ихъ языкъ, и достигъ своей цѣли. Проживя такъ долго вмѣстѣ съ солдатами, онъ совершенно сродился съ ихъ бытомъ, привычками и языкомъ. Это-то и было главною причиной любви солдатъ къ Суворову, не рѣдко доходившей до обожанія; а любовь эта въ свою очередь не рѣдко дарила Суворову блестящія побѣды.

Во внѣшней обстановкѣ жизни, какъ въ бытность свою простымъ солдатомъ, такъ и всегда впослѣдствіи, Суворовъ отличался суровою простотой: спалъ на соломѣ, вставалъ съ зарею, ѣлъ простую пищу, одѣвался даже и зимою легко, избѣгалъ пирушекъ, удалялся женщинъ; вообще изгонялъ все то, что могло нѣжить тѣло и разслаблять душу. Вслѣдствіе такой жизни, Суворовъ былъ всегда здоровъ и лучше другихъ, гораздо сильнѣйшихъ его, переносилъ невзгоды бивачной жизни.

ГЛАВА III.

Первые опыты Суворова на боевомъ поприщѣ были во время знаменитой Семилѣтней войны—въ битвѣ при Куперс-

дорфѣ. Здѣсь, на полѣ сраженія, онъ увидѣлъ Фридриха Великаго, который, не-смотря на совершенное пораженіе, все-таки не хотѣлъ уступить поля непріятелю, геройски бросаясь въ самый пылъ сраженія и ища достойной себя смерти. «Вотъ геройская душа!» удивлялся Суворовъ. «Помилуй Богъ, какъ хорошо быть такимъ героемъ». И Фридрихъ Великій навсегда остался для него рѣдкимъ примѣромъ героизма. Въ послѣднія кампаніи этой войны, Суворовъ, въ чинѣ подполковника, самъ командовалъ легкими отрядами—и своими лихими схватками съ непріятелемъ обратилъ на себя вниманіе своего начальника, Берга, который отозвался о немъ какъ объ отличномъ кавалерійскомъ офицерѣ, быстромъ при рекогносцировкѣ *), отважномъ въ битвѣ и хладнокровномъ въ опасностяхъ.

Во время этой войны въ Суворовѣ впервые обнаружились, а можетъ-быть и зародились, предпріимчивость, энергія, рѣшимость и находчивость, составлявшія, впослѣдствіи, отличительный характеръ всѣхъ его военныхъ дѣйствій.

Въ награду за отличіе въ Семилѣтнюю войну Суворовъ посланъ былъ съ донесеніемъ въ Петербургъ. Произведенный въ полковники, онъ отправился въ Ладогу, гдѣ стоялъ тогда пожалованный ему въ командованіе Астраханскій полкъ. Въ продолженіе шести лѣтъ командованія этимъ полкомъ, онъ бывалъ съ нимъ въ столицѣ для занятія карауловъ, участвовалъ въ учебномъ лагерѣ и маневрахъ **) подъ Царскимъ-Селомъ и такимъ образомъ сдѣлался лично извѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ II, какъ отличный командиръ. Но Суворову, при его неномѣрномъ честолюбіи, развившемся еще съ дѣтства, этого недостаточно было; всѣми силами души

---

* Рекогносцировка—развѣдываніе положенія и числа непріятельскаго войска посланными съ этою цѣлью отрядами.

**) Маневры—военныя движенія безъ битвы, и не примѣрныя сраженія.

онъ жаждалъ славы и извѣстности и, во что бы то ни стало, хотѣлъ достигнуть ея. Скоро понялъ онъ, что простой офицеръ, какъ бы ни былъ уменъ, храбръ и отваженъ, никогда не выбьется изъ посредственности. Нужно было пріискать такое средство, которое бы сразу выдвинуло его изъ среды окружавшихъ его товарищей. Много передумалъ Суворовъ— и все не-впопадъ. Наконецъ, одно совершенно случайное обстоятельство навело его на мысль. Екатерина какъ-то разъ, въ присутствіи Суворова, выразилась, что всѣ великіе люди имѣли свои странности, которыми отличались отъ обыкновенныхъ людей. Суворовъ тутъ же рѣшилъ, что это и есть такъ давно отыскиваемое средство—обратить на себя вниманіе, и рѣшился воспользоваться имъ. Игра была довольно опасная: какъ много и легко можно было выиграть въ ней, такъ равно и проиграть. Но Суворовъ зналъ человѣческое сердце, хорошо помнилъ своего стариннаго друга Діогена *),

*) Діогенъ, по мѣсторожденію Синопскій, по правиламъ жизни и ученію прозванный циникомъ, родился въ 414 г. до Р. Х., въ Понтійскомъ городѣ Синопѣ, отъ простаго гражданина, занимавшагося денежными оборотами. Отецъ его былъ изгнанъ изъ отечества за дѣланіе фальшивой монеты; за то же преступленіе изгнанъ самъ Діогенъ, который, удалясь въ Аѳины, писалъ оттуда своимъ соотечественникамъ: «Вы меня изгнали изъ моего города, а я осудилъ васъ на заточеніе въ немъ. Я буду повседневно обращаться съ людми пріятными, а вы будете проводить время въ обществѣ дураковъ». Онъ привелъ туда съ собой невольника, по имени Менада, который ушелъ отъ него. Пріятели совѣтовали ему искать бѣглеца, но Діогенъ отвѣчалъ: «Смѣшно Діогену не умѣть обойтись безъ Менада, когда Менадъ можетъ обойтись безъ Діогена». Онъ долго и терпѣливо добивался въ Аѳинахъ быть ученикомъ Антисѳена, главы циническої секты, но Антисѳенъ не допускалъ его и даже однажды хотѣлъ его прогнать отъ себя палкою. Діогенъ отвѣчалъ ему по этому случаю: «Бей; но если я могу чему-нибудь научиться у тебя, то не найдешь такой палки, которою бы ты могъ отогнать меня». Послѣ такой неотвязчивости, наконецъ онъ принятъ былъ и сдѣлался прилежнѣйшимъ ученикомъ и потомъ самымъ рев-

на котораго обратилъ въ свое время вниманіе даже и Александръ Македонскій, постоянно занятый своими походами, надѣялся на себя и думалъ поддержать игру. И вотъ мало-по-малу началъ онъ развивать принятый на себя характеръ. Строгій и исполнительный по дѣламъ службы, Суворовъ усилилъ свое нелюдимство и прибавилъ къ нему множество шутокъ и поговорокъ: и въ разговорѣ, и въ письмѣ, и въ походкѣ и въ самой службѣ,—и сдѣлался совершеннымъ чудакомъ. Отбросивъ общепринятыя внѣшнія формы приличія, онъ ничего не дѣлалъ, какъ другіе: говорилъ отрывисто, какими-то загадочными фразами, кривлялся, дѣлалъ смѣшныя ужимки, ходилъ припрыгивая. Примѣнялсь къ солдатскому быту, онъ довелъ до крайности и безъ того суровый

постнымъ послѣдователемъ цинической школы. Антисѳенъ былъ мраченъ и важенъ. Діогенъ придумалъ особенный способъ учить людей. Онъ теорію цинической школы осуществилъ въ своей практической жизни, которой оставался вѣрнымъ до самаго конца. Не высокимъ слогомъ и изящными правоученіями принялся онъ показывать современникамъ ихъ глупости, а острыми шутками въ образѣ умышленной юродивости, и потому былъ наставникомъ непросвѣщенной толпы простолюдиновъ, а не высокоучёнымъ философомъ. Онъ лишалъ себя всего, что только могло казаться излишнимъ въ удобностяхъ жизни человѣческой и безъ чего можно обойтись; презиралъ богатство, почести, изліщество, всѣ пріятности и пѣги, чтобы сдѣлать себя сколь возможно болѣе независимымъ отъ счастія людей и нуждъ. Бывая на великолѣпныхъ пирахъ, онъ никакъ не измѣнялъ своему воздержанію. Онъ часто терпѣлъ голодъ по волѣ и утолялъ его самою грубою пищей: подвергалъ себя всякимъ непогодамъ, сносилъ обиды и насмѣшки отъ всякаго, кто ни попадался ему на встрѣчу, съ терпѣливымъ спокойствіемъ, ходилъ босый, съ палкою въ рукѣ и сумкою за плечами. Діогенъ имѣлъ сперва кошикъ, но, говорятъ, увидѣвъ мальчика, пьющаго воду пригоршнями, бросилъ и кошикъ, какъ лишнюю посуду; говорятъ, что онъ жилъ въ бочкѣ, которую всегда носилъ на себѣ. Въ желаніяхъ своихъ Діогенъ былъ такъ ограниченъ, что когда Александръ Македонскій, въ бытность свою въ Коринѳѣ, захотѣлъ посмотрѣть этого удивительнаго человѣка и, найдя его въ бочкѣ, спросилъ: «Не пожелаетъ

*

образъ жизни: вставая съ зарею, бѣгалъ по лагерю въ одной рубашкѣ, кричалъ пѣтухомъ, обѣдалъ въ восемъ часовъ утра, притворялся, будто терпѣть не можетъ зеркалъ, боясь въ нихъ увидѣть себя; въ лѣтніе жары даже предъ войсками часто являлся безъ мундира—въ одной рубашкѣ и холщевомъ нижнемъ бѣльѣ; въ зимнее время, въ самые холода, надѣвалъ только лѣтній плащъ, носившій названіе родительскаго; на головѣ носилъ маленькую каску съ чернымъ перомъ; училъ солдатскихъ дѣтей грамотѣ и ариѳметикѣ по учебникамъ, сочиненнымъ имъ же самимъ; въ церкви пѣлъ на клиросѣ и читалъ Апостолъ.

Въ обращеніи съ подчиненными первое требованіе Суворова было — немедленный отвѣтъ на всякій, даже самый странный, нелѣпый вопросъ; такъ разъ, осматривая ночью караулы, онъ подошелъ къ одному часовому и, указывая ему на звѣздное небо, спросилъ.

— Сколько, ты думаешь, тутъ звѣздъ?

ли онъ чего»? Діогенъ просилъ только посторониться и не заслонять солнца. Но подъ этою нищетою и неопрятностью скрывалась гордость, какъ думалъ и великій философъ того времени, Платонъ. Однажды Діогенъ пришелъ въ домъ къ Платону и, сѣвъ на богатый коверъ, сказалъ: «Я попираю Платонову гордость»; на это отвѣчалъ Платонъ: «Но только другимъ родомъ гордости».

Современные и близкіе ко времени Діогена писатели сохранили для потомства анекдоты, приведенные выше, острыя изреченія и мысли, заключавшія въ себѣ высокій смыслъ нравственный. Таковы напр. слѣдующія:

«Навыкъ дѣлаетъ все пріятнымъ, даже самое презрѣніе роскоши.

«Торжество надъ самимъ собой есть совершенство всей философіи.

«Клеветникъ есть самый лютый звѣрь, а льстецъ—самый злой изъ домовыхъ звѣрей.

«Старайся имѣть добрыхъ приятелями, чтобъ они заохочивали тебя дѣлать добро, а злыхъ—непріятелями, чтобы мѣшали тебѣ дѣлать зло».

(Изъ Энциклоп. Лек. Плюшара, т. XVI).

— Не считалъ, ваше высокоблагородіе; позвольте сосчитаю, отвѣчалъ тотъ, не запинаясь. Суворовъ остался доволенъ,—не терпѣлъ онъ отвѣта: *не могу знать*. Даже въ обученіи полка Суворовъ позволялъ себѣ разныя странности: вдругъ соберетъ его ночью по тревогѣ и поведетъ въ походъ, водитъ нѣсколько дней сряду, переходитъ черезъ рѣки вбродъ и вплавь, держитъ войска въ строю на морозѣ или въ сильный жаръ. Разъ, проходя мимо какого-то монастыря въ окрестностяхъ Новой-Ладоги, вдругъ велѣлъ полку своему аттаковать эту мирную обитель, и штурмовалъ стѣны по всѣмъ правиламъ искусства. На него жаловались; но все прощалось чудаку. Государыня, зная уже его, какъ умнаго человѣка и отличнаго полковаго командира, милостиво улыбнулась, слыша объ его проказахъ. Подъ комическою маскою, которую надѣлъ на себя Суворовъ, она умѣла угадать въ немъ истинныя достоинства. И подчиненные Суворова, несмотря на его шутовство, питали къ нему глубокое уваженіе и безграничную привязанность. Иначе впрочемъ и быть не могло, потому что во всѣхъ его шуткахъ и проказахъ всегда просвѣчивалъ здравый умъ, особый, оригинальный, прямой, вполнѣ свойственный только русскому человѣку; всѣ его дѣйствія были проникнуты русскимъ духомъ,—Суворовъ былъ типъ русскаго человѣка. Въ этомъ же, вѣроятно, заключается и разгадка того непостижимаго нравственнаго вліянія, какое онъ имѣлъ на войска.

Такъ неотступно добивался Суворовъ своей цѣли и достигъ уже того, что о немъ заговорили, а нѣкоторыя изъ его проказъ услужливыми людьми переданы были даже Императрицѣ. Цѣль, слѣдовательно, на половину была достигнута: на него обращено всеобщее вниманіе; оставалось подождать только случая отличиться и затѣмъ уже пожинать лавры. Къ счастію, и случай этотъ не замедлилъ представиться въ войнѣ съ конфедератами.

ГЛАВА IV.

Когда, въ 1768 году, русскія войска отправлены были въ Польшу и Литву, для усмиренія возникшихъ тамъ волненій, и Суворовъ—уже бригадиръ—получилъ повелѣніе слѣдовать туда же съ Суздальскимъ пѣхотнымъ полкомъ и двумя эскадронами кавалеріи. Тутъ Суворовъ вполнѣ выказалъ себя. Осенью, въ распутицу, посадивъ пѣхоту и половину конницы на телѣги, онъ въ одинъ мѣсяцъ сдѣлалъ тысячу верстъ и своимъ неожиданнымъ появленіемъ распространилъ ужасъ между конфедератами *), уже слышавшими кое-что про лихаго наѣзднпка во время Семилѣтней войны. Съ своимъ маленькимъ отрядомъ Суворовъ быстро бросался изъ одной стороны въ другую, разгоняя и обезоруживая сборища, разбивая и уничтожая все, сопротивлявшееся ему. Ни рѣки съ уничтоженными на нихъ мостами, ни болота, ни лѣса—ничто не могло загородить ему дороги. Лишь только гдѣ покажутся конфедераты, Суворовъ уже тамъ, и они разбиты. Дѣйствуя такимъ образомъ въ продолженіе трехъ лѣтъ сряду, Суворовъ довелъ конфедератовъ до невозможности защищаться. Они увѣрились, что, при всеобщемъ несогласіи между ними и своевольствѣ, не-смотря на личную храбрость каждаго изъ нихъ, и притомъ съ такимъ соперникомъ, каковъ былъ Суворовъ, невозможно было вести дѣло далѣе. И дѣлу бы конецъ: Но нужно же было въ такое серьезное дѣло ввязаться безпутному амуру. Пронзенный его стрѣлами, русскій комендантъ Кракова, старикъ-полковникъ **), воспылалъ страстію къ польской красавицѣ и, почивши на лаврахъ побѣдъ русскаго оружія, занялся, вмѣсто дѣлъ службы, болѣзнію своего старческаго сердца. А извѣстенъ патріотизмъ Полекъ!... И

*) Даже Рюліеръ, при всей ослѣпленной ненависти своей къ Русскимъ, невольно отдаетъ въ этомъ справедливость Суворову.

**) Штакельбергъ.

вотъ комендантъ-любезникъ отличался на балахъ своей любезной, конфедераты же, услыхавъ, что замокъ охраняется слабо *), ночью, чрезъ водосточную трубу, пробрались въ замокъ и овладѣли имъ. Старый грѣховодникъ еле уплелся. Суворовъ, извѣщенный объ этомъ, бросился къ Кракову на штурмъ,— не тутъ-то было, принужденъ былъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни отступить. Страшно досадовалъ Суворовъ на эту неудачу!.. А тутъ еще другія шайки конфедератовъ, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ Русскихъ, укрѣпившись въ сосѣднихъ крѣпостяхъ, окружили своими многочисленными отрядами небольшой отрядъ Суворова. Положеніе было затруднительное. Но, принужденный отбивать отважныя вылазки изъ замка и набѣги конфедератовъ, Суворовъ, чтобъ удержать въ почтительномъ разстояніи послѣднихъ, придумалъ вооружить жидовъ, которыхъ было много въ городѣ, и велѣлъ имъ занимать караулы. Безъ смѣха нельзя было смотрѣть на іудейскихъ воиновъ, дрожавшихъ отъ страха, когда ихъ ставили на часы. Эта оригинальная выдумка дала Суворову возможность дождаться помощи и, разбивъ собравшихся-было конфедератовъ, снова овладѣть Краковомъ, чѣмъ и закончилась эта война, давшая Суворову возможность отличиться. Польша затихла. Суворовъ сдѣлалъ свое дѣло,— къ Россіи присоединена была Бѣлоруссія. Вся честь этой войны безспорно принадлежитъ Суворову. Его имя прогремѣло по всей Польшѣ: Русскіе гордились имъ, враги боялись. Чего же было ему! И Суворовъ пока былъ доволенъ. Въ 1772 году, въ чинѣ генералъ-майора возвратился онъ въ Петербургъ; онъ представился Императрицѣ, былъ обласканъ ею и приглашенъ на балъ. Не хотѣлось бы Суворову,

*) Русскій полковникъ снялъ караулы съ самыхъ нужныхъ пунктовъ, потому что ночные оклики часовыхъ безпокоили пашу. Соч. Ѳ. И. Смитта.

да отказываться нельзя было. Дѣлать нечего, въ назначенный день нарядился и поѣхалъ. «Ухъ, какъ мнѣ здѣсь неловко!» говорилъ про себя Суворовъ. —«Всѣ танцуютъ, а мнѣ-то что дѣлать? Казачка прошелся бы а больше ничего не умѣю. Лица все незнакомыя, какъ будто боятся меня,— подойдутъ, да и посторонятся. Куда мнѣ дѣваться? Ухъ, какъ неловко!»

Но вотъ подошла къ нему Императрица. Ласково поговоривши съ нимъ и давъ поцѣловать руку, онъ сказала ему, между прочимъ, что скоро онъ будетъ ей нуженъ въ Финляндіи. «Слушаю, матушка Государыня», отвѣчалъ Суворовъ и поспѣшно удалился съ бала. Возвратившись домой, онъ тотчасъ же освѣдомился о состояніи своей кибитки, въ которой постоянно ѣздилъ, позвалъ камердинера, Прошку, пьяницу и отъявленнаго грубіяна, велѣлъ ему приготовить платье и закладывать лошадей. Затѣмъ, поужинавъ съ аппетитомъ рѣдечки съ конопляннымъ масломъ, Суворовъ сталъ одѣваться. Кибитка уже стояла у крыльца. Онъ взялъ въ карманъ какую-то книгу, перекрестился, вышелъ, живо усѣлся въ своемъ незатѣйливомъ экипажѣ и приказалъ ѣхать въ Чухландію. На другой день онъ былъ уже на мѣстѣ назначенія для предполагаемой войны съ Швеціей. Но войны не было. Живо сдѣлавъ свое дѣло, Суворовъ скучалъ въ бездѣйствіи и напросился въ дѣйствующую армію въ Турцію, съ которой у Россіи въ то время была война.

ГЛАВА V.

Но тутъ мелочная зависть Румянцева *), начальствовавшаго тогда войскомъ, причинила ему большія непріятности.

*) Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій родился въ 1725 г. Слава его начинается съ 1761 г., когда онъ, предводительствуя

Завидуя славѣ Суворова, онъ постоянно держалъ его въ бездѣйствіи. Однако же и тутъ, не-смотря на всѣ препятствія, онъ успѣлъ совершить два геройскихъ подвига: взялъ Туртукай и съ 2 500 человѣкъ геройски защищалъ противъ 11.000 турокъ крѣпость Гирсово. Но за одинъ изъ нихъ—за взятіе Туртукая, какъ совершенный помимо воли главнокомандующаго, преданъ былъ военному суду, и еслибы не защита самой Императрицы, пославшей ему за это дѣло св. Георгія 2-й степени, можетъ-быть Суворову пришлось бы навсегда проститься съ своими мечтами о дальнѣйшей славѣ. Огорченный Суворовъ попросилъ увольненія и удалился на зимнія квартиры въ Кіевъ. Въ слѣдующую кампанію Императрица, наградивъ его чиномъ генералъ-поручика, снова вызвала въ дѣйствующую армію. Но и тутъ Суворовъ, кромѣ огорченій, не получилъ ничего. Приказано было ему быть подъ нача-

---

отдѣльнымъ 24 тысячнымъ корпусомъ, блокировалъ Кольбергъ и, несмотря на приказаніе отступить, овладѣвъ городомъ Трептау, принудилъ къ сдачѣ и Кольбергъ. Петръ III пожаловалъ графа генералъ-аншефомъ и кавалеромъ св. Анны и св. Андрея. При объявленіи Петромъ III войны Даніи, Румянцевъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміею. Въ 1764 году онъ былъ опредѣленъ генералъ-губернаторомъ въ Малороссію и назначенъ президентомъ тамошней коллегіи, главнымъ командиромъ малороссійскихъ казацкихъ полковъ и украинской дивизіи. Въ этомъ званіи онъ былъ очень полезенъ: онъ уничтожилъ многія злоупотребленія въ присутственныхъ мѣстахъ, доставилъ народу разныя облегченія и обратилъ вниманіе на сбереженіе казенныхъ имѣній. За Кагульскую битву, гдѣ 17 тысячъ Русскихъ, подъ главнымъ предводительствомъ самого Румянцева, разбили на голову 150 тысячъ Турокъ, отразивъ 100 тысячъ Татаръ, гдѣ весь турецкій лагерь, 140 орудій, 60 знаменъ и множество военныхъ снарядовъ достались побѣдителямъ, и гдѣ 40 тысячъ непріятеля погибло во время битвы и преслѣдованія,—Императрица возвела Румянцева въ достоинство генералъ-фельдмаршала, а въ день торжества мира пожаловала ему наименованіе Задунайскаго, фельдмаршальскій жезлъ, лавровый вѣнокъ, медаль съ его изображеніемъ, деревню въ 3 тысячъ душъ и

ломъ генералъ-поручика Каменскаго, бывшаго выше его только чиномъ и вовсе не отличавшагося отъ Суворова никакими личными качествами. И это бы еще ничего. Но вотъ Суворовъ съ своимъ немногочисленнымъ отрядомъ одерживаетъ почти невѣроятную побѣду надъ 40.000 турецкою арміей! Весь лагерь достался побѣдителямъ и слава побѣды, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежала Суворову. А вышло не такъ. На другой день послѣ этой побѣды пришелъ и Каменскій съ своимъ корпусомъ и—въ увѣдомленіи Румянцева успѣхъ битвы приписалъ себѣ, за что и получилъ орденъ Георгія 2-й степени. Ударъ, нанесенный Суворову этимъ послѣднимъ присвоеніемъ чужой побѣды, сильно поразилъ его. Оскорбленный до глубины души, онъ разсорился съ Каменскимъ и, не желая въ то же время служить подъ знаменами Кагульскаго героя—Румянцева, еще до окончанія войны уѣхалъ изъ арміи.

ГЛАВА VI.

Не долго оставался Суворовъ въ бездѣйствіи. Если во власти людей было стѣснять, оскорблять героя, то не въ ихъ власти было затмить славу Суворова, уже пріобрѣтенную имъ. Его знала вся Россія и, что всего важнѣе, хорошо понимала Императрица. И хотя послѣ заключенія мира съ Тур-

---

100 тысячъ рублей изъ кабинета. Императрица желала, чтобы Задунайскій имѣлъ въѣздъ въ столицу чрезъ тріумфальныя ворота на колесницѣ; но скромный герой уклонился отъ этой почести. Румянцевъ снова сдѣлался начальникомъ Малороссіи, а въ 1776 году вызванъ былъ въ Петербургъ для сопровожденія наслѣдника престола въ Берлинъ, по случаю его бракосочетанія съ бывшею императрицею Маріей Ѳеодоровной. Фридрихъ Великій съ почестями принялъ Румянцева. Возвратясь въ Россію, онъ долгое время съ пользою для края управлялъ Малороссіей. Императоръ Павелъ Петровичъ, по восшествіи на престолъ,

ціей, въ 1774 г., у насъ въ теченіе 12 лѣтъ не было войны, но для Суворова нашлось дѣло. Нужно было усмирить Пугачевскій бунтъ, нужно было подготовить покореніе Крыма, и Суворовъ съ успѣхомъ, какъ и всегда, исполнилъ то и другое. Усмиривши пугачевщину въ самое непродолжительное время, Суворовъ цѣлый годъ скучалъ въ бездѣйствіи. Въ это время, по желанію старика-отца, онъ женился, но, что называется, не впопадъ. Семейная жизнь была не по характеру Суворову, и онъ скоро разъѣхался съ своею женой, имѣя отъ нея сына и дочь, которая впослѣдствіи воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ. Въ 1776 году онъ отправился на мѣсто другаго своего назначенія — въ Крымъ. Въ запутанныхъ крымскихъ дѣлахъ, кромѣ качествъ отважнаго воина, Суворову понадобился и его тонкій и изворотливый умъ, необходимый въ политикѣ, безъ которой нельзя было здѣсь обойтись. Что бы ни дѣлалъ Суворовъ для выполненія своего назначенія, все было кстати. Забавляя своими шуточками татарскихъ мурзъ *), дѣлая имъ разныя подарки, угощая ихъ и пируя съ ними самъ въ ихъ раззолоченныхъ дворцахъ, дѣйствуя въ то же время то на Кубани и Черноморьи, то въ Астрахани и на Каспійскомъ морѣ, Суворовъ такъ искусно велъ свое дѣло, что, не-смотря на противодѣйствіе Турокъ, въ продолженіе десяти лѣтъ совершенно покорилъ Крымскихъ Татаръ — и за это награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 1-й степени. Послѣ этого Суворовъ командовалъ с.-петербургскою дивизіей, но не долго. Въ концѣ 1786 года, въ

былъ благосклоненъ къ Румянцеву и иногда совѣщался съ нимъ о военной части. 8 декабря 1796 года параличный ударъ прекратилъ славную жизнь Румянцева. Графъ Петръ Александровичъ былъ высокаго роста, отличался превосходною памятью и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Прахъ Румянцева-Задунайскаго покоится въ Кіево-Печерской лаврѣ, у ѣзднаго клироса соборной церкви Успенія Пресв. Богородицы.

*) Мурза—князь.

чинѣ генералъ-аншефа, онъ снова получилъ начальство надъ войсками въ Новороссійскомъ краѣ. Такое назначеніе было знакомъ милостиваго расположенія къ нему Императрицы, такъ какъ въ то время Екатерина Великая предприняла путешествіе въ новоприобрѣтенныя южныя области. Суворовъ встрѣтилъ Императрицу, показалъ ей свои войска и сопровождалъ ее въ великолѣпномъ ея поѣздѣ, проказничая и изумляя своею оригинальностью находившихся тутъ же иностранцевъ. Ему въ это время было уже пятьдесятъ лѣтъ. При маломъ ростѣ, худощавый, нѣсколько сгорбленный, Суворовъ имѣлъ видъ дряхлый: на головѣ его, рано посѣдѣвшей, оставалось лишь нѣсколько клочковъ бѣлыхъ волосъ, собранныхъ спереди локономъ; лицо было въ морщинахъ, но выраженіе его оживлено было умнымъ, проницательнымъ взглядомъ; маленькіе голубые глаза его сверкали огнемъ энергіи. Вообще же онъ сохранилъ необыкновенную для своихъ лѣтъ бодрость: бойко ѣздилъ верхомъ и шутя прыгалъ и бѣгалъ, въ походѣ не зналъ экипажа и легко переносилъ всѣ трудности и лишенія.

Офицеръ на 25 году, бригадиръ—на 40, въ восемнадцать лѣтъ потомъ онъ перегналъ многихъ товарищей. Генералъ-поручикъ въ 1774 году, Суворовъ въ то время достигъ уже высокаго положенія въ арміи и при дворѣ; произведенный въ 1786 году въ чинъ генералъ-аншефа, онъ имѣлъ, кромѣ Георгія 2-й ст., ордена: 1-й ст. св. Александра Невскаго, св. Владиміра (большаго креста), св. Анны и брилліантовую шпагу. Враги и завистники Суворова, оскорбляемые его рѣзкими шуточками, съ презрѣніемъ смотрѣвшіе на его странности и приписывавшіе всѣ его успѣхи слѣпому счастію, умолкли на время, видя, что сама Императрица благоволитъ къ чудаку.

ГЛАВА VII.

Въ 1787 году возобновилась война съ Турціей, которая хотѣла отнять у Россіи только-что покоренный Крымъ съ черноморскими берегами. Главнокомандующимъ въ этой войнѣ былъ всесильный тогда Потемкинъ *). Хорошо зная Суворова, онъ предложилъ и ему принять участіе въ этой войнѣ. Суворовъ не отказался—и въ первую же кампанію отличился мужественной обороной Кинбурнской косы съ небольшимъ гарнизономъ противъ 6.000 отборнаго турецкаго войска. Въ

*) Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, принадлежавшій къ числу геніальныхъ людей XVIII столѣтія, былъ сынъ отставнаго маіора; онъ родился близъ Смоленска, въ селѣ Домановѣ, въ сентябрѣ 1739 г. Предназначаемый къ духовному званію, Потемкинъ обучался сначала въ смоленской семинаріи, потомъ отправился въ Московскій Университетъ, гдѣ оказалъ быстрые успѣхи въ наукахъ, желая, какъ твердилъ товарищамъ своимъ, быть непремѣнно архіереемъ или министромъ. Онъ получилъ золотую медаль въ 1756 г.; но вскорѣ соскучился однообразнымъ ученьемъ, пересталъ ходить въ университетъ и все время проводилъ съ духовенствомъ, бесѣдуя о догматахъ вѣры. Въ числѣ духовныхъ, которыхъ посѣщалъ Потемкинъ, находился Амвросій Зертисъ-Каменскій, бывшій тогда архіепископомъ Крутицкимъ и Можайскимъ. Онъ совѣтовалъ Потемкину вступить въ военную службу и далъ ему 500 руб. на дорогу въ Петербургъ. Прибывъ туда, Потемкинъ опредѣлился рядовымъ въ конную гвардію и былъ вахмистромъ, когда вступила на престолъ Екатерина II (1762 г.); находясь въ ея свитѣ и услышавъ, что Императрица желала имѣть темлякъ на шпагѣ, Потемкинъ сорвалъ свой собственный и подалъ его государынѣ. Императрица Екатерина произвела его сперва въ корнеты гвардіи, потомъ подпоручикомъ и камеръ-пикеромъ, приказавъ выдать ему 2.000 р. Пользуясь возгорѣвшеюся Турецкою войной, онъ удалился на нѣкоторое время изъ столицы сначала подъ знамена кн. Голицына, а потомъ фельдмаршала графа Румянцева; въ 1771 году Григорій Александровичъ былъ уже въ чинѣ генералъ-поручика за многія одержанныя побѣды, и съ возобновленіемъ войны Потемкинъ переправился черезъ Дунай въ виду

отчаянной битвѣ, происшедшей здѣсь, Суворовъ, уже раненный пулею въ руку, подвергался-было опасности лишиться жизни; но былъ спасенъ геройскою отвагой своихъ солдатъ. Императрица, въ собственноручномъ письмѣ изъявивъ свою благодарность старику-герою, наградила его орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Въ арміи про него сложилась пѣсня, начинающаяся такъ:

«Наша Кинбурска коса
Вскрыла первы чудеса» и т. д.

многочисленнаго непріятеля; онъ участвовалъ въ разбитіи Османа-паши подъ Силистріей и овладѣлъ его лагеремъ. Эти подвиги не остались безъ награжденія. По прибытіи въ Петербургъ, Потемкинъ получилъ, 28 фев. 1774 г., званіе генералъ-адъютанта. Въ томъ же году онъ былъ пожалованъ генералъ-аншефомъ, вице-президентомъ военной коллегіи и орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Въ 1775 г. получилъ орденъ св. Георгія втор. класса за ратные подвиги противъ Турокъ въ прошедшую кампанію, назначенъ генералъ-губернаторомъ Новороссійской, Азовской и Астраханской губерній, съ властью и преимуществами царскаго намѣстника, а по заключеніи мира съ Оттоманскою Портою награжденъ: за посѣществованіе къ оному добрыми совѣтами, графскимъ титуломъ, шпагою, осыпанною алмазами, и портретомъ императрицы Екатерины для ношенія на груди. Въ слѣдующемъ году Государыня исходатайствовала ему княжеское достоинство Римской имперіи, съ титуломъ Свѣтлѣйшаго. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ новопожалованный князь отправился для осмотра подчиненнаго ему намѣстничества. На дорогѣ строили въ честь его тріумфальныя ворота, говорили привѣтственныя рѣчи, давали праздники. Екатерина II подарила ему Аничковскій дворецъ. Вѣрнный Потемкину край, подъ именемъ Новороссійской губерніи, простираясь отъ Сѣвернаго Донца до Южнаго Буга и огибая Крымъ, упирался въ Черное море Керчью и Кинбурномъ. Странѣ этой угрожали набѣги Крымскихъ Татаръ, буйство Запорожцевъ и прорывы чумы. Представивъ Государынѣ о необходимости раздѣлить этотъ край на двѣ губерніи, Новороссійскую и Азовскую (1775 г.), Потемкинъ этимъ самымъ рѣшилъ судьбу

Вотъ какъ писалъ объ этомъ дѣлѣ шутникъ, Кинбурнскій герой, своей дочери, которая воспитывалась тогда въ Смольномъ монастырѣ: «Другъ мой Наташа! У насъ была драка посильнѣе той, когда вы другъ друга за уши дерете. И какъ мы танцовали: въ боку картеча, на рукѣ отъ пули дырочка, да подо мною лошади мордочку оторвало. То-то была комедія, насилу чрезъ восемь часовъ съ театра отпустили! Я только-что воротился, проѣздивъ 500 верстъ верхомъ. А какъ у насъ весело: на морѣ поютъ лебеди, утки и кулики, на полихъ жаворонки, синички, лисички, а въ водѣ стерляди, да осетры—пропасть!..»

Запорожской Сѣчи, которая также была уничтожена. Между тѣмъ пало ханство Крымское: Григорій Александровичъ заставилъ Шагинъ-Гирея добровольно отречься отъ ненадежнаго престола, и манифестъ Екатерины извѣстилъ изумленную Европу, что полуостровъ Крымскій, островъ Тамань и вся Кубанская страна приняты подъ державу Всероссійскую. Новоприобрѣтенная Таврическая область, своими богатыми солончаками съ благодатнымъ южнымъ берегомъ, съ великолѣпными гаванями—поступила въ управленіе Свѣтлѣйшаго. Въ самомъ краѣ начали процвѣтать промышленность, хозяйство, даже просвѣщеніе, потому что Потемкинъ учреждалъ вездѣ училища уѣздныя, земледѣльческія и прочія, а въ самомъ Екатеринославлѣ намѣревался открыть высшее учебное заведеніе—университетъ. Екатерина продолжала осыпать Григорія Александровича милостями. Въ началѣ 1784 г. онъ пожалованъ президентомъ военной коллегіи съ чиномъ генералъ-фельдмаршала. Въ 1786 году онъ предложилъ Императрицѣ отмѣнить прусскій костюмъ войскъ; солдатамъ обрѣзали косы, оставили пудру, одѣли ихъ просто, покойно и красиво. Между тѣмъ, какъ лучшей награды своихъ трудовъ, онъ ждалъ прибытія Великой Монархини въ Новороссійскій край и готовился къ достойному пріему ея въ этой новорожденной странѣ, украшенной ея именемъ. Главный городъ ея Потемкинъ заложилъ въ размѣрахъ вполнѣ гигантскихъ. Къ пріѣзду Государыни онъ спѣшилъ, чтобъ его предначертанія не были уже мечтою, существующею только на бумагѣ. Вообще онъ заботился, чтобы путешествіе Екатерины было рядомъ непрерывныхъ празднествъ, и дороги были устланы богатою рукою. Къ пріѣзду высокой гостьи были построены цѣлые города и множество

Слѣдующая кампанія подъ Очаковымъ въ 1788 году не посчастливилась Суворову. Видя въ медленной осадѣ этой незначительной крѣпости безполезную трату людей и времени, онъ и здѣсь, выбравъ къ тому удобный случай, примѣнилъ-было къ дѣлу свою тактику, состоящую въ быстротѣ, смѣлости и рѣшительности. Разъ отбивши вылазку, сдѣланную непріятелемъ, Суворовъ съ двумя баталіонами бросился за нимъ, чтобы внезапнымъ ударомъ ворваться въ крѣпость; но эта отважная попытка не удалась, и собственно потому, что, раздраженный своевольствомъ Суворова, Потемкинъ не хотѣлъ прислать ему помощи. Въ кровопролитной схваткѣ

семействій. Наконецъ желаніе Потемкина исполнилось. Въ началѣ 1787 года Императрица отправилась въ путь, окруженная многочисленнымъ дворомъ и сопровождаемая представителями главнѣйшихъ государей Европы. Днѣпръ покрылся живописною флотиліей великолѣпныхъ галеръ; берега его горѣли разноцвѣтными огнями, оглашались радостными кликами, дворцы выростали изъ земли, сады разводились магически. За населеніе вновь пріобрѣтеннаго края Потемкину пожаловано наименованіе Таврическаго. А между тѣмъ въ 1788 году снова запылала война съ Портою. Екатерина Великая, пригласивъ къ содѣйствію императора Австрійскаго, Іосифа, выставила на нихъ двѣ арміи: Украинскую, подъ начальствомъ Румянцева-Задунайскаго, и Екатеринославскую, подъ предводительствомъ князя Потемкина-Таврическаго. Григорій Александровичъ, до открытія военныхъ дѣйствій, написалъ къ Румянцову почтительное письмо, гдѣ называлъ себя ученикомъ его, испрашивалъ его совѣтовъ, но Румянцевъ съ открытіемъ кампаніи заболѣлъ, оставался въ Украйнѣ и наконецъ вовсе уклонился отъ участія въ войнѣ; это обстоятельство сдѣлало Потемкина начальникомъ обѣихъ дѣйствующихъ армій. Кампанія 1788 года ограничилась взятіемъ Очакова, за что главнокомандующій получилъ Георгія 1 класса, 100.000 рублей и осыпанную бриллиантами шпагу съ надписью: за храбрость, а передъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ онъ еще былъ награжденъ фельдмаршальскимъ жезломъ и орденомъ св. Александра Невскаго. Въ 1799 г., возведенный на степень великаго гетмана казацкихъ войскъ, онъ снова открылъ военныя дѣйствія съ Турками: контръ-адмиралъ Ушаковъ поразилъ Оттомановъ на Черномъ морѣ, генералъ

Суворовъ былъ тяжело раненъ въ шею и вдобавокъ, получивши строгій выговоръ отъ самолюбиваго Потемкина, принужденъ былъ уѣхать изъ арміи въ Кременчугъ. Очаковъ взятъ былъ уже безъ него, и когда въ Петербургѣ торжественно праздновали эту, хотя и незначительную, но одержанную любимцемъ Екатерины побѣду надъ Оттоманскою Портою, Суворова тамъ не было. Враги его за одинъ пріемъ думали-было отпраздновать и паденіе ненавистнаго имъ героя, но ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Если всесильный временщикъ Потемкинъ былъ теперь и не на сторонѣ Суворова и не защищалъ его уже болѣе отъ враговъ, то Импе-

---

Германъ разбилъ на Кубани Баталъ-пашу и взялъ его въ плѣнъ, Гудовичъ овладѣлъ Килiею, генералъ-маіоръ Рибасъ—Тульчею и Исакчею, Суворовъ—Измаиломъ. Потемкинъ проводилъ это время въ Яссахъ; но, среди различныхъ увеселеній и пышности, былъ мраченъ и задумчивъ; потомъ онъ отправился въ Петербургъ, въ февралѣ 1791 г., былъ принятъ съ особеннымъ вниманіемъ Императрицею, получилъ въ подаровъ отъ нея дворецъ, извѣстный подъ именемъ Таврическаго, платье, украшенное алмазами и дорогими каменьями въ 200.000 руб. Всѣ продолжали уважать по-прежнему Потемкина, но онъ самъ началъ тяготиться жизнью, былъ недоволенъ всѣми, даже самъ собой. Черезъ нѣкоторое время онъ снова вернулся къ театру военныхъ дѣйствій, но въ Яссахъ постигла его лихорадка; искусство медиковъ осталось недѣйствительнымъ: Потемкинъ, своенравный, привыкшій къ роскошнымъ обѣдамъ, давалъ пищу своей болѣзни. Между тѣмъ дѣятельность его не ослабѣвала; онъ продолжалъ вести обширную переписку: курьеры летали во всѣ концы Европы чаще обыкновеннаго; польскіе вельможи, недовольные поповведеніями, искали его покровительства. Но внутренняя скорбь не давала ему покоя; онъ рѣшился оставить Яссы, говоря: «по крайней мѣрѣ умру въ Николаевѣ», выѣхалъ 5 октября 1791 года, почувствовалъ на 38 верстѣ мучительное безпокойство и томленіе, вышелъ изъ кареты, легъ на разостланномъ у дороги коврѣ, и тутъ, подъ открытымъ небомъ, испустилъ духъ на рукахъ своей любимой племянницы, на 56 году отъ рожденія. Екатерина II повелѣла, въ день мирнаго торжества съ Оттоманскою Портою (1793 г.), соорудить въ Херсонскомъ соборѣ мраморный памятникъ Таврическому, а въ арсе-

ратрица была по-прежнему къ нему расположена, по-прежнему уважала его, потому что хорошо знала окружавшихъ ее придворныхъ, хорошо знала и Суворова, который при тогдашнемъ ходѣ европейскихъ дѣлъ былъ нуженъ ей, и всегда защищала его отъ враговъ. Она очень хорошо видѣла и несправедливость Потемкина въ отношеніи къ Суворову, но не захотѣла сдѣлать непріятное завоевателю Очакова присутствіемъ на празднествѣ раздражившаго его Суворова, а думала вознаградить послѣдняго при удобномъ случаѣ и въ другое время.

А это время скоро пришло. Со взятіемъ Очакова еще не кончилась война съ Турціей; Россіи нужны были еще побѣды—и Суворовъ снова явился на сцену. Вскорѣ послѣ празднества онъ вызванъ былъ въ Петербургъ и за безвинное терпѣніе награжденъ брилліантовымъ перомъ съ изображе-

---

палъ того же города помѣстить его изображеніе и въ честь ему выбить медаль. Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія сооруженъ ему въ томъ же городѣ колоссальный монументъ, изваянный извѣстнымъ художникомъ Мартосомъ. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій былъ красавецъ собой, большаго роста и очень крѣпкаго сложенія. Онъ отличался разительными противоположностями: былъ гордъ и обходителенъ, хитеръ и довѣрчивъ, скрытенъ и откровененъ, расточителенъ и порою скупъ, съ жестокостью соединялъ состраданіе; то онъ занимался войной и политикою, хотѣлъ дѣлить Оттоманскую имперію, вооружалъ европейскіе кабинеты; то проводилъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ, вечера въ гостяхъ, забывая по-видимому всѣ дѣла. Въ одно время затмѣвалъ онъ придворныхъ блестящею одеждою, очаровательностью праздниковъ, въ другое—оставался дома, лежа на диванѣ въ халатѣ, босикомъ, и молча игралъ въ шахматы или въ карты; онъ любилъ обѣщать, но не всегда держалъ данное слово. Императрица Екатерина II удостоивала его неограниченною довѣренностью; кромѣ значительныхъ сумъ и подарковъ, пожаловано ему множество деревень. Потемкинъ заслужилъ отъ иноземцевъ названіе одного изъ самыхъ необыкновенныхъ людей своего вѣка.

(Заимств. изъ Энц. Слов. Старчевскаго).

ніемъ буквы К., которая напоминала его славную защиту Кинбурна. Устроено было такъ, что и Потемкинъ помирился съ нимъ, и все-таки послалъ его въ дѣйствующую армію. Подумаешь, чего не бываетъ на свѣтѣ! И вотъ Суворовъ опять на полѣ брани. Ему назначили дѣйствовать вмѣстѣ съ Австрійцами—нашими союзниками въ то время, бывшими подъ начальствомъ принца Кобургскаго. Австрійцы были въ восторгѣ отъ Суворова, который умѣлъ пріобрѣсть дружбу и полную довѣренность ихъ добраго начальника. Въ теченіе этой кампаніи Суворову два раза приходилось выручать своихъ союзниковъ: сперва при Фокшанахъ, а потомъ на Рымникѣ, и оба раза онъ поступалъ съ обычною своеобразностью. Предъ Фокшанскимъ сраженіемъ, не-смотря на троекратную просьбу принца Кобургскаго, онъ ни за что не хотѣлъ видѣться съ нимъ; и друзья обнялись уже на полѣ битвы, выигранной летучею быстротой Суворова. Когда стали спрашивать Суворова, почему онъ не хотѣлъ видѣться съ принцемъ прежде, онъ отвѣчалъ: «нельзя было; вѣдь онъ умный и тактикъ, а у меня былъ планъ не тактическій. Мы заспорили бы, и онъ загонялъ бы меня дипломатически, а непріятель рѣшилъ бы споръ тѣмъ, что разбилъ бы насъ обоихъ. Вмѣсто того—ура! съ нами Богъ—и спорить было некогда». За славную побѣду подъ Фокшанами Суворовъ получилъ отъ австрійскаго императора золотую табакерку съ брилліантовымъ вензелемъ. Между тѣмъ на союзниковъ шелъ великій визирь съ 100.000 арміей и подходилъ уже къ австрійскому войску, стоявшему въ нѣкоторомъ разстояніи отъ русскаго. Положеніе принца Кобургскаго и его войска было отчаянное, и вотъ онъ пишетъ къ Суворову: «спаси насъ!»—такъ надѣялся онъ на своего друга, не-смотря на то, что войска у него было еще менѣе. Суворовъ принялъ и предложилъ принцу, не дожидаясь непріятеля, самимъ напасть на него. Принцъ ужаснулся... И въ самомъ дѣлѣ, какъ было съ

26.000 войска идти противъ 100.000-й арміи визпря. Но Суворовъ настоялъ на своемъ. Дѣлать было нечего, пошли, разойдясь—кто направо, а кто налѣво, чтобы потомъ съ разныхъ сторонъ ударить на непріятеля. Суворовъ первый началъ дѣло и разбилъ турецкій авангардъ и отрядъ, посланный къ послѣднему на помощь. Турки узнали Суворова—русскаго Топалъ-пашу, и страхъ распространился по всему лагерю. Его одного боялись они, онъ казался имъ какимъ-то волшебникомъ. Взбѣшенный, визпрь всею массою своихъ войскъ ударилъ на Австрійцевъ, думая раздавить ихъ; но Австрійцы, построившись въ каре, удачно выдержали первый натискъ Турокъ, картечью и штыками охлаждая кровь разгорячившихся. Суворовъ же въ то время далъ на часъ роздыхъ своимъ солдатамъ, уже побывавшимъ въ дѣлѣ. Но вотъ онъ замѣтилъ, что Австрійцы долѣе не могутъ выдерживать бѣшенаго напора, и съ орлиною быстротой налетѣлъ на непріятеля. Этотъ молодецкій ударъ былъ такъ силенъ, что Турки не выдержали его и побѣжали въ лѣсъ, а союзники за ними; Турки бѣжали далѣе, бросая по пути все и желая только спастись отъ грознаго Топалъ-паши. Сраженіе происходило на долинѣ между лѣсомъ и рѣкою Рымникомъ. Ужасное зрѣлище представляла она, покрытая тысячами лошадиныхъ и человѣческихъ труповъ!... Весь лагерь достался побѣдителямъ, и многимъ поживились союзники. Славная была эта побѣда; громомъ пронеслась она вмѣстѣ съ именемъ Суворова по всей Австріи и Россіи. Императоръ австрійскій возвелъ его въ графы Римской имперіи, императрица Екатерина пожаловала ему шпагу, осыпанную брилліантами, съ надписью: «побѣдителю визпря», алмазные знаки св. Андрея Первозваннаго, св. Георгія 1 ст. и графское достоинство съ наименованіемъ Рымникскаго. Достойному воздано было по заслугамъ. Друзья Суворова радовались счастью его, недоброжелатели же съ досады искусали въ кровь свои пальцы.

Но этими двумя славными побѣдами еще не ограничились подвиги Суворова. Для политическихъ разсчетовъ Потемкина нуженъ былъ Измаилъ — турецкая крѣпость, считавшаяся неприступною. Осаду его началъ-было Кутузовъ (впослѣдствіи знаменитый герой двѣнадцатаго года), но отступилъ, увидя невозможность взять его. Но что считалось невозможнымъ для другихъ, возложено было на Суворова, и неприступный Измаилъ, укрѣпленный природою и искусствомъ, защищаемый вдобавокъ 40.000 гарнизономъ подъ начальствомъ храбраго Сераскира, взятъ былъ приступомъ. Всѣ заговорили о взятіи Измаила, а поэтъ Державинъ воспѣлъ его въ своей одѣ:

Везувій пламень изрыгаетъ,
Столпъ огненный во тьмѣ стоитъ,
Багрово зарево сіяетъ,
Дымъ черный клубомъ вверхъ летитъ;
Блѣднѣетъ Понтъ, реветъ громъ ярый,
Ударамъ въ слѣдъ гремятъ удары,
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ;
Клокочутъ рѣки рдяной лавы.
О, Россъ! таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ.

Взятіе Измаила поставило Суворова выше всѣхъ его современниковъ. Европа съ завистью и удивленіемъ смотрѣла на этого русскаго великаго человѣка, а Русскіе благоговѣли предъ нимъ. Казалось, что Суворова осыплютъ теперь наградами. Но мелочное самолюбіе и зависть Потемкина и тутъ помѣшали торжеству Суворова. И въ то время, когда торжественно праздновали взятіе Измаила, Измаильскій герой, награжденный за свой славный подвигъ только чиномъ подполковника гвардіи, въ своей кибиткѣ ѣхалъ по новому назначенію въ Финляндію.

Скоро и хорошо сдѣлалъ тамъ свое дѣло Суворовъ и собирался-было уже въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что не расположенный къ нему Потемкинъ къ тому времени уже умеръ, какъ, къ своему несчастью, совершенно случайно нашелъ въ Финляндіи множество безпорядковъ, отъ чего терпѣли недостатки его солдаты. По своей привычкѣ говорить правду, не стѣсняясь и не щадя сильныхъ того времени, донесъ онъ объ этомъ Екатеринѣ,—и снова придумано было для него почетное удаленіе его отъ Императрицы, встрѣчи съ которой враги его боялись болѣе всего. Суворовъ посланъ былъ въ Новороссійскій край для командованія находящимися тамъ войсками и приведенія границъ имперіи со стороны Турціи въ оборонительное положеніе. Поселившись въ Херсонѣ, онъ дѣятельно занялся обученіемъ своихъ солдатъ, осмотромъ крѣпостей и инженерными работами. Сюда, торжествуя миръ съ Турціей, Екатерина прислала ему брилліантовый эполетъ. Эта награда чрезвычайно обрадовала Суворова, какъ доказательство того, что Императрица помнила еще о немъ и слѣдовательно была еще надежда, что при первомъ трудномъ дѣлѣ не обойдетъ его своимъ назначеніемъ. Наблюдая же своимъ проницательнымъ умомъ за ходомъ европейскихъ дѣлъ, онъ хорошо зналъ, что такія дѣла скоро будутъ, и терпѣливо ждалъ ихъ.

ГЛАВА VIII.

Дѣйствительно вскорѣ понадобился мечъ Суворовъ. Въ Польшѣ разгорѣлось возстаніе, болѣе грозное, чѣмъ конфедератское, и ознаменовало первый шагъ свой звѣрскимъ поступкомъ, навѣки запятнавшимъ имя Польши. Въ ночь съ четверга на пятницу Страстной недѣли бунтовщики врасплохъ напали въ Варшавѣ на русскихъ солдатъ и перерѣзали ихъ. Ужаснулась Императрица, услыхавъ объ этомъ

безчеловѣчномъ поступкѣ, и невольно вспомнила о Суворовѣ. Всячески враги его старались отклонить отъ него это назначеніе; но замѣнить его было не кѣмъ,—на него указывалъ даже самъ Румянцевъ, и дѣлать было нечего: Суворовъ получилъ отъ Екатерины приказъ поспѣшить въ Польшу. — «Слава Богу! воскликнулъ онъ.—Пойдемъ и покажемъ, какъ бьютъ Поляковъ!»—Суворову было тогда 64 года, но, какъ юноша живой и бодрый, онъ изумлялъ всѣхъ своею неутомимостію. Въ день полученія приказа онъ велѣлъ заложить свою знаменитую кибитку и чрезъ нѣсколько минутъ быстро катилъ къ мѣсту своего новаго назначенія. Вдругъ по лагерю разнеслось радостное извѣстіе: «Суворовъ пріѣхалъ! Суворовъ пріѣхалъ!»—и всѣ наперерывъ старались взглянуть на своего любимаго начальника. Такъ одно появленіе этого старика предъ войсками приводило ихъ въ неописанный восторгъ. А онъ между тѣмъ уже отдыхалъ съ дороги въ приготовленной для него палаткѣ, на своемъ любимомъ сѣнникѣ, покрытомъ родительскимъ плащемъ. Туда къ нему собрались генералы и командиры полковъ, и Суворовъ въ немногихъ словахъ передалъ имъ волю Императрицы — пораспугать безпокойныхъ штыкомъ и успокоить мирныхъ миромъ. Сигналомъ къ выступленію въ походъ назначенъ былъ пѣтушиный крикъ. Суворовъ чудилъ по-прежнему. Уполномоченный отъ Императрицы дѣлать все по своему благоусмотрѣнію, не стѣсняемый болѣе никѣми распоряженіями, Суворовъ быстро повелъ свое дѣло. Въ два мѣсяца съ половиной усмирилъ онъ грозное возстаніе Поляковъ. Въ половинѣ августа Суворовъ только еще выступилъ изъ Немирова, а въ концѣ октября уже извѣщалъ Императрицу о взятіи Праги и Варшавы въ слѣдующихъ словахъ: «Всемилостивѣйшая Императрица! ура! Варшава наша!» На этомъ же донесеніи Екатерина Великая написала: «Ура! фельдмаршалъ

Суворовъ!» и послала ему фельдмаршальскій жезлъ при собственноручномъ рескриптѣ.

Читая его, Суворовъ прыгалъ отъ радости. И какъ было не радоваться? Полученъ чинъ, задуманный еще въ дѣтствѣ и съ тѣхъ поръ доселѣ постоянно лелѣянный въ мечтахъ; получено наконецъ то, для чего онъ охотно переносилъ всѣ трудности и лишенія, раны, оскорбленія и злобу враговъ. «Ура! наша взяла!» кричалъ Суворовъ, какъ сумасшедшій, прыгая по комнатамъ. Кромѣ фельдмаршальства Екатерина подарила ему Кобринское помѣстье съ 7.000 крестьянъ. Прусскій король прислалъ ему ордена Чернаго и Краснаго Орла, а австрійскій императоръ—свой портретъ, украшенный брилліантами. Теперь Суворовъ явился во всемъ блескѣ своей славы, въ первый еще разъ не смущаемый завистью враговъ.

Но имѣя сношенія по дѣламъ покоренной имъ Польши съ императоромъ австрійскимъ, королями прусскимъ и польскимъ, окруженный постоянно въ теченіе года послами, министрами, генералами, польскимъ дворянствомъ и знатными иностранцами, слыша отовсюду себѣ похвалы и удивленіе, Суворовъ остался все тѣмъ же простымъ, задушевнымъ русскимъ человѣкомъ, какъ и прежде. Проживъ около года въ Польшѣ и утвердивши въ новоприобрѣтенныхъ Россіею Литовской и Гродненской областяхъ порядокъ и спокойствіе, Суворовъ отправился въ Петербургъ. Путь его подобенъ былъ торжественному шествію; вездѣ толпился народъ, хоть однимъ глазкомъ желая взглянуть на своего знаменитаго героя. Въ Петербургѣ онъ принятъ былъ Императрицею милостивѣе чѣмъ когда-либо: по цѣлымъ часамъ бесѣдовала она съ нимъ въ своемъ кабинетѣ, совѣщаясь объ европейскихъ дѣлахъ и съ довѣріемъ и любопытствомъ выслушивая его смѣлые и обширные планы. Для жительства Суворову назначенъ былъ Таврическій дворецъ, изъ кото-

раго предварительно, въ угоду чудаку, вынесена была роскошная мебель.

Думалъ ли когда-либо Потемкинъ, что тамъ, гдѣ нѣкогда жилъ онъ—великолѣпный князь Тавриды, будетъ жить чудакъ Суворовъ—этотъ незначительный въ сравненіи съ нимъ, странный человѣкъ? Странная перемѣна судьбы!...

Но и во дворцѣ Суворовъ велъ такую же простую жизнь, какъ и прежде. Изъ всѣхъ комнатъ занималъ одну, спалъ на сѣнѣ, вставалъ рано и, окатившись холодною водой, принимался за дѣло. По-прежнему не любилъ пировъ и рѣдко присутствовалъ на нихъ, не-смотря на то, что, такъ сказать, былъ засыпанъ приглашеніями. Отъ души попировалъ онъ только на празднествахъ, бывшихъ тогда по случаю бракосочетанія великаго князя Константина Павловича, да еще на свадьбѣ Наташи, своей Суворочки, которая вышла замужъ за графа Н. Зубова.

Но скоро наскучила Суворову такая жизнь, какую велъ онъ въ Петербургѣ,—его опять стало манить къ себѣ поле битвы, къ тому же и случай былъ великолѣпный: на Западѣ сильно развозились Французы съ Наполеономъ Бонапарте, и Суворову страсть какъ хотѣлось унять этого мальчика Бонапарта, какъ онъ называлъ его. Императрица давно тоже думала объ этомъ и наконецъ рѣшилась принять участіе въ этой европейской войнѣ. Суворову, къ великой его радости, поручено было немедленно отправиться на югъ — въ Тульчинъ сформировать тамъ армію, соединиться съ Австрійцами и, принявъ надъ обѣими арміями начальство, начать войну съ французскими революціонерами. Суворовъ быстро исполнилъ первую половину приказа,—армія была готова, и уже одинъ корпусъ перешелъ въ Галицію, какъ вдругъ получаетъ онъ извѣстіе о кончинѣ императрицы Екатерины, его неизмѣнной покровительницы и благодѣтельницы.... Предполагаемый походъ не состоялся. При новомъ императорѣ,

Павлѣ Петровичѣ, Суворову не посчастливилось. Ему не понравились нѣкоторыя нововѣденія Императора въ войскѣ, и онъ, по привычкѣ — не стѣсняться, громко осуждалъ ихъ, за что и былъ уволенъ въ отставку.

ГЛАВА IX.

Въ началѣ 1797 года Суворовъ, оставивъ командованіе войскомъ, переѣхалъ въ свое Кобринское имѣніе; но черезъ мѣсяцъ прибылъ туда изъ Петербурга нарочный съ Высочайшимъ повелѣніемъ фельдмаршалу — жить въ новгородскомъ имѣніи Кончакскомъ. Александръ Васильевичъ съ тѣмъ же посланнымъ черезъ нѣсколько часовъ отправился въ путь *).

Село Кончакское—родовое имѣніе Суворовыхъ—находится въ самой глуши Новгородской губерніи, въ Боровицкомъ уѣздѣ. Здѣсь одиноко жилъ Суворовъ. Тяжко было такое изгнаніе для человѣка честолюбиваго, но Суворовъ перенесъ свое несчастіе истиннымъ христіаниномъ **); онъ заботился о благосостояніи своихъ крестьянъ, обучая ихъ дѣтей грамотѣ. Въ самой глуши деревенской онъ не переставалъ быть тѣмъ же чудакомъ, какимъ привыкъ уже показываться передъ войскомъ и высоко-поставленными лицами: онъ вмѣшивался въ крестьянскія забавы, бѣгалъ и прыгалъ съ мальчишками по деревнѣ, въ праздничные дни ходилъ на колокольню и звонилъ, а во время обѣдни исправ-

*) Всѣ приближенные къ фельдмаршалу были отставлены; но Суворовъ, для обезпеченія ихъ средствъ существованія, назначилъ каждому по деревнѣ изъ числа пожалованныхъ ему въ окрестностяхъ Кобрина. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ даже самовольно завладѣли ими, какъ собственностью (письмо Суворова отъ 25 іюлб. 1797 въ С.-Пет.).

**) «Служу небесному Богу и вѣренъ Богу земному» (письмо Суворова отъ 27 іюля 1797 г. Спб. Кн. А. А. Сув., кн. 3).

лялъ должность причетника — читалъ Апостолъ и пѣлъ на клиросѣ.

Въ такомъ положеніи прожилъ Александръ Васильевичъ около года, какъ неожиданно въ Кончакское пріѣхалъ флигель-адъютантъ князь Горчаковъ *) и передалъ фельдмаршалу приглашеніе Императора немедленно пріѣхать въ Петербургъ.

Пріѣздъ фельдмаршала въ столицу столь живо характеризуетъ и стараго вождя и самого императора Павла, что мы рѣшаемся передать о немъ словами его высокопревосходительства Д. А. Милютина, который лично слышалъ объ этомъ происшествіи отъ покойнаго князя А. И. Горчакова.

«Суворовъ не только не обрадовался полученному отъ Государя приглашенію, но даже отказался ѣхать въ Петербургъ, отговариваясь старостію и плохимъ здоровьемъ. Лишь послѣ долгихъ и настоятельныхъ убѣжденій князя Горчакова старикъ согласился отправиться въ путь, поручивъ однако же своему племяннику доложить Государю, что не можетъ иначе ѣхать, какъ проселочными дорогами и на своихъ лошадяхъ. Князь Горчаковъ поспѣшилъ впередъ съ этимъ донесеніемъ. Императоръ столь нетерпѣливо ожидалъ свиданія съ Суворовымъ, что по нѣскольку разъ въ день присылалъ спросить у князя Горчакова: скоро ли прибудетъ его дядя. Но старикъ не торопился; онъ ѣхалъ, какъ говорится, «на долгихъ». Государь далъ приказаніе князю Горчакову немедленно же доложить, лишь только пріѣдетъ фельдмаршалъ, въ которомъ бы ни было часу.

«Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней ожиданія, кибитка Кончакскаго помѣщика остановилась у Петербургской заставы. Здѣсь встрѣтилъ его князь Горчаковъ, и хотя время было уже позднее, однако же, исполняя въ точности госуда-

*) Андрей Ивановичъ—племянникъ А. В. Суворова.

рево повелѣніе, онъ прямо поѣхалъ съ донесеніемъ во дворецъ, между тѣмъ какъ Суворовъ отправился на квартиру своего племянника, графа Д. П. Хвостова. Императоръ имѣлъ обыкновеніе въ 10 часовъ вечера удаляться въ свою спальню, раздѣваться и тогда уже не принимать никого. Однако же на сей разъ, въ видѣ особенной милости, князь Горчаковъ былъ допущенъ въ спальню государеву и получилъ приказаніе объявить Суворову, что Его Величество немедленно же принялъ бы его, еслибы не было такъ поздно; пріемъ назначенъ былъ на другой же день утромъ, тотчасъ по возвращеніи Императора съ обычной прогулки. Князь Горчаковъ, предваренный дядею, спросилъ: въ какой формѣ повелѣно будетъ графу представиться, такъ какъ онъ отставленъ безъ мундира? «Въ такомъ мундирѣ, какой вы носите», отвѣчалъ Государь, то-есть въ общемъ армейскомъ.

«Мундиръ племянника пришелся почти впору старому дядѣ; нашили звѣзды, кресты, и на слѣдующее утро, въ 9-мъ часу, отправился Суворовъ во дворецъ, вмѣстѣ съ княземъ Горчаковымъ. Ожидая въ пріемной комнатѣ возвращенія Государя съ прогулки, Суворовъ успѣлъ, по старому своему обычаю, подшутить надъ нѣсколькими изъ бывшихъ тутъ придворныхъ и, между прочимъ, заговорилъ съ графомъ Кутайсовымъ по-турецки. Около $9^1/_4$ часовъ Императоръ подъѣхалъ верхомъ къ Зимнему дворцу, и немедленно же Суворовъ былъ приглашенъ въ кабинетъ. Онъ оставался тамъ глазъ на глазъ съ Государемъ болѣе часа. Въ первый разъ случилось, къ крайнему удивленію всѣхъ остававшихся въ пріемной комнатѣ, что Императоръ опоздалъ даже къ разводу, который обыкновенно начинался ровно въ 10 часовъ. Къ разводу приглашенъ былъ и фельдмаршалъ; въ угожденіе ему, Государь дѣлалъ баталіону ученье, водилъ его въ штыки, скорымъ шагомъ и проч., но Суворовъ явно показывалъ невниманіе: то отворачивался отъ проходившихъ взводовъ,

то шутилъ надъ окружающими, то подходилъ къ князю Горчакову, говоря ему: «нѣтъ, не могу болѣе, уѣду». Князь Горчаковъ убѣждалъ своего причудливаго дядю, что уѣхать съ развода прежде Государя неприлично; но старикъ былъ упрямъ: «нѣтъ, я боленъ, сказалъ онъ, не могу больше», и уѣхалъ, не дождавшись конца развода.

«Государь не могъ не замѣтить странныхъ поступковъ Суворова и послѣ развода, призвавъ къ себѣ князя Горчакова въ кабинетъ, сурово спросилъ его: что значитъ все это?— Молодой князь Горчаковъ, смущенный, старался сказать что могъ въ извиненіе своего дяди; но Императоръ, прервавъ его съ замѣтнымъ волненіемъ, началъ подробно припоминать свой продолжительный разговоръ съ Суворовымъ: «Я говорю ему о заслугахъ, которыя онъ можетъ еще оказать отечеству и мнѣ, веду рѣчь къ тому, чтобъ онъ самъ попросился на службу, а онъ вмѣсто того кипется въ Измаилъ и начинаетъ длинно разсказывать штурмъ; я слушаю, слушаю, пока не кончитъ, и потомъ снова навожу разговоръ на свое; вмѣсто того, гляжу, мы очутились въ Прагѣ или въ Очаковѣ»... Потомъ Государь говорилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ о поведеніи Суворова на разводѣ и наконецъ сказалъ князю Горчакову: «Извольте же, сударь, ѣхать къ нему, спросите у него самого объясненія его дѣйствій и какъ можно скорѣе привезите отвѣтъ; до тѣхъ поръ я за столъ не сяду». Князь Горчаковъ поспѣшилъ къ своему дядѣ и передалъ ему слова Государя, но нашелъ Суворова въ прежнемъ раздраженномъ расположеніи. «Инспекторомъ я былъ въ генералъ-маіорскомъ чинѣ, говорилъ онъ, и теперь уже поздно опять идти въ инспекторы. Пусть сдѣлаютъ меня главнокомандующимъ, да дадутъ мнѣ прежній мой штабъ, да развяжутъ мнѣ руки, чтобъ я могъ производить въ чины не спрашиваясь..., тогда, пожалуй, пойду на службу. А не то, лучше назадъ въ деревню; я старъ и дряхлъ; хочу въ монахи».... и проч. и

проч. въ томъ же родѣ. Князь Горчаковъ возражалъ, что не можетъ передать такихъ рѣчей Государю. «Ну, ты передавай что хочешь, а я отъ своего не отступлюсь», закончилъ Суворовъ.

Князь Горчаковъ поспѣшилъ возвратиться во дворецъ и, конечно, передалъ слова своего дяди совершенно въ другомъ свѣтѣ.

«Послѣ того Императоръ не разъ приглашалъ Суворова къ столу своему, вилѣлъ его на разводѣ и вообще обращался съ нимъ милостиво; однако же старикъ не просился на службу, и когда разговоръ касался слишкомъ близко этого предмета, то Суворовъ начиналъ обыкновенно жаловаться на свои лѣта и слабость здоровья. Князь Горчаковъ, по-прежнему, служилъ посредникомъ между царемъ и полководцемъ и часто бывалъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе странными поступками своего дяди. Въ присутствіи Государя Суворовъ искалъ всякаго случая, чтобы подшутить надъ установленными новыми правилами службы и формами: то усаживался цѣлую четверть часа въ карету, показывая, будто никакъ не можетъ справиться съ торчащею сзади шпагою; то на разводѣ прикидывался, будто не умѣетъ снять шляпу, и, долго хватаясь за все то одною рукою, то другою, кончалъ тѣмъ, что ронялъ шляпу къ ногамъ самого Государя. Иногда же нарочно перебѣгалъ и суетился между проходившими церемоніальнымъ маршемъ взводами, что было строжайше воспрещено и считалось непростительнымъ нарушеніемъ порядка въ строю. При этомъ шепталъ онъ молитвы и крестился, и когда разъ Государь спросилъ его, что это значитъ, то Суворовъ отвѣчалъ: «читаю молитву, Государь: да будетъ воля твоя». Каждый разъ послѣ подобной продѣлки Павелъ I обращался къ князю Горчакову и требовалъ отъ него объясненій; тотъ долженъ былъ ѣздить къ Суворову и привозить Государю отвѣты своего собственнаго вымысла, ибо

никогда не могъ онъ передать тѣ рѣчи, которыя въ самомъ дѣлѣ слышалъ отъ дяди».

Наконецъ, однажды, послѣ трехъ-недѣльнаго пребыванія въ Петербургѣ, Суворовъ отпросился у Государя въ деревню. Павелъ I отпустилъ его съ видимымъ неудовольствіемъ, и фельдмаршалъ не замедлилъ уѣхать въ свое помѣстье.

ГЛАВА X.

Около двухъ лѣтъ прожилъ фельдмаршалъ въ Кончакскомъ, какъ вдругъ совершился снова неожиданный оборотъ въ судьбѣ Суворова.

Въ февралѣ 1799 года прибылъ въ его деревню флигель-адъютантъ Толбузинъ съ слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ:

> «Сейчасъ получилъ я, графъ Александръ Васильевичъ, извѣстіе о настоятельномъ желаніи Вѣнскаго двора, чтобы вы предводительствовали арміями его въ Италіи, куда и мои корпуса—Розенберга и Германа—идутъ. Итакъ, посему и при теперешнихъ европейскихъ обстоятельствахъ, долгомъ почитаю не отъ своего только лица, но отъ лица и другихъ, предложить вамъ взять дѣло и команду на себя и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну».

Никакіе разсчеты, никакая интрига не могли отклонить избранія Суворова главнокомандующимъ союзныхъ армій... Разсказываютъ, что, получивъ письмо императора Франца, Павелъ I усмѣхнулся и сказалъ Ростопчину: «Вотъ каковы Русскіе: вездѣ пригожаются!»

Выше приведенный рескриптъ привелъ Суворова въ необыкновенный восторгъ: слезы радости потекли изъ глазъ Суворова, онъ цѣловалъ царскія строки, потомъ побѣжалъ въ

свою сельскую церковь, велѣлъ служить благодарственный молебенъ и, стоя на колѣняхъ, долго молился и плакалъ, а черезъ два часа уже скакалъ въ кибиткѣ, по дорогѣ въ Петербургъ.

Великій полководецъ былъ радушно принятъ Государемъ. Суворовъ со слезами повергся къ ногамъ его. Императоръ спѣшилъ поднять его, поцѣловалъ и крѣпко обнялъ престарѣлаго героя.

На другой день начали являться къ Суворову желавшіе служить подъ его начальствомъ... Друзья и любимцы его, одни отставленные, другіе исключенные изъ службы, всѣ были приняты снова.

Черезъ нѣкоторое время, послѣ объясненій съ Императоромъ о планахъ войны, Суворовъ отправился въ Вѣну. Онъ скакалъ на перекладныхъ день и ночь. Въ Дерптѣ явился къ нему старый сослуживецъ. Фельдмаршалъ обрадовался ему, разговорился съ нимъ и вдругъ спросилъ: «какія будутъ станціи отъ Дерпта до Риги?» Не зная ихъ наименованій, но хорошо зная, что *не могу знать* раздражитъ старика, сослуживецъ отвѣчалъ: первая — Туртукай, вторая Кипбурнъ, третья—Измаилъ». — «Помилуй Богъ! отвѣчалъ Суворовъ,— какъ ты прекрасно знаешь географію»!

ГЛАВА XI.

Прежде нежели говорить о геройскихъ подвигахъ Суворова въ Италіи, мы посмотримъ на положеніе европейскихъ государствъ въ началѣ 1799 года. При первомъ взглядѣ каждый убѣдится, что первое мѣсто по силѣ и могуществу принадлежало Франціи. Почти со всѣхъ сторонъ она укрѣплялась завоеванными ею государствами, которыя теперь были обращены въ республики.

Прежде Нидерланды (теперь Ботавская республика составляли ея главный оплотъ на сѣверѣ, а Швейцарія и Италія укрѣпляли ея могущество на югѣ. Французскія войска, наученныя многолѣтнею опытностью, составляли предметъ ужаса всѣхъ государствъ. Только Австрія и Россія осмѣлились начать борьбу съ могущественною республикой.

Цѣли, съ которыми эти два государства вступили въ союзъ, были различныя, что и оказалось впослѣдствіи. Россія вступила въ борьбу для того, чтобы возстановить и защитить европейскія державы и, уничтоживъ Французскую республику, дать Франціи законнаго короля. Австрія же подняла оружіе единственно изъ-за своихъ выгодъ. Австрійскія войска управлялись неспособными генералами, исключая одного эрцгерцога Карла, но и его власть была стѣснена вѣнскимъ военнымъ совѣтомъ. Выпросивъ у императора Павла Суворова въ главнокомандующіе союзной итальянской арміи, австрійскій императоръ стремился подчинить его вліянію вѣнскаго военнаго совѣта и такимъ образомъ принудить его дѣйствовать въ видахъ австрійскаго правительства. Союзная армія была раздѣлена на четыре корпуса. Первый долженъ былъ дѣйствовать въ Швейцаріи, другой въ Голландіи, третій долженъ былъ завоевать у Французовъ островъ Мальту, а четвертый, подъ начальствомъ Суворова, освободить Италію. Такой оборотъ военныхъ дѣйствій не пришелся по душѣ Суворову. Онъ разсчитывалъ окончить однимъ общимъ нераздѣльнымъ ударомъ на Парижъ. Явившись въ вѣнскій военный совѣтъ, онъ не объявилъ своего плана дѣйствій, ссылаясь на незнакомство съ мѣстностью, и наконецъ, разсерженный австрійскимъ министромъ Тугутомъ, онъ вынулъ изъ кармана бланкетъ императора Павла и сказалъ: «вотъ единственный планъ, который я имѣю.

Выѣзжая изъ Вѣны и прощаясь съ австрійскимъ императоромъ Францемъ, Суворовъ обѣщался ему въ успѣхѣ. «Съ

Французами поступали слишкомъ вѣжливо, какъ съ дамами, замѣтилъ онъ.—Я старь для учтивостей и поступлю съ ними грубѣе». Дорогой его экипажъ упалъ въ рѣку; но онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ своего дѣла, что сказалъ: «Жаль, что подмокли мои церковныя ноты; не по чемъ будетъ пѣть: «*Тебе Бога хвалимъ*».

14-го апрѣля Суворовъ прибылъ въ Верону. Народъ радостно встрѣтилъ его, какъ своего избавителя. Тотчасъ же явились къ нему австрійскіе и русскіе генералы, духовенство, дворянство и лица отъ городскаго сословія. Суворовъ принялъ благословеніе отъ архіепископа и обѣщалъ всѣми силами стараться къ возстановленію Италіи. Затѣмъ онъ познакомился съ генералами. Нельзя описать его радости, когда онъ узналъ въ своихъ рядахъ Багратіона и Милорадовича. «Это ты Миша? сказалъ онъ послѣднему.—Я еще зналъ тебя мальчикомъ. Славными пирогами угощалъ меня твой батюшка. Ты будешь герой!—А помнишь ли, князь Петръ, подъ Очаковымъ въ Турціи, или въ Польшѣ то...», прибавилъ онъ со слезами, обнимая князя Багратіона.

Суворовъ думалъ отклониться отъ распоряженій военнаго совѣта и дѣйствовать такъ, какъ внушала ему многолѣтняя военная опытность. «Цѣль къ Парижу! думалъ онъ.—Достичь ея. Бить врага вездѣ. Ничего, кромѣ наступательнаго. Полководцу нужна полная свобода дѣйствовать. Осадами крѣпостей не заниматься, а брать ихъ приступомъ и не думать объ отступленіяхъ». Когда онъ объявилъ свой планъ дѣйствій австрійскому генералу Меласу, послѣдній удивился его рѣшительности и смѣясь сказалъ ему:

— Вѣдь вы генералъ—впередъ.

— Нѣтъ, папа Меласъ (такъ называлъ Суворовъ генерала Меласа).—Правда, я больше всего люблю идти впередъ, но оглядываюсь и назадъ.

— Гдѣ и когда успѣли вы обдумать свой планъ? спросилъ Меласъ.

— Въ деревнѣ, отвѣчалъ Суворовъ.—Тамъ у меня было много досужаго времени. А здѣсь, куда мы явились для того, чтобы биться, — обдумывать некогда. Нужно дѣйствовать, отвѣчалъ Суворовъ, явно подсмѣиваясь надъ медлительностію вѣнскаго придворнаго военнаго совѣта.

На солдатъ назначеніе Суворова произвело самое отрадное вліяніе: они освоились съ мыслью, что гдѣ онъ, тамъ и побѣда. Бодро готовились они идти на встрѣчу непріятелю. Итальянцы всѣхъ сословій съ крикомъ привѣтствія встрѣчали и провожали суворовскихъ чудо-богатырей. Восторгъ былъ полный.

«Вотъ нашъ освободитель!» говорили Итальянцы, указывая на стараго героя. Пали сочинили пѣсню, какъ римскій цесарь просилъ у русскаго Императора себѣ на подмогу Суворова съ войсками богатырскими,—и звуки русской народной пѣсни впервые огласили собою равнины Италіи....

Суворовъ тотчасъ же началъ военныя дѣйствія. Самого Наполеона не было во Франціи: онъ отправился завоевывать Египетъ. Но, не-смотря на это, всѣ французскіе генералы были люди храбрые и талантливые, исключая развѣ одного Шерера, про котораго Суворовъ говорилъ: «Пока этотъ квартирмейстеръ будетъ чистить солдатскія пуговицы,—его легко разбить». Но этотъ Шереръ ко времени пріѣзда Суворова въ Италію былъ смѣненъ французскимъ правительствомъ, и его мѣсто занялъ умный Моро. Впрочемъ Суворовъ былъ очень доволенъ, что ему приходилось бороться съ такими талантливыми людьми. Легкія побѣды надъ Турками ему надоѣли, и ему хотѣлось показать свое искусство въ болѣе трудномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что онъ заранѣе былъ увѣренъ въ успѣхѣ.

— Что, побьемъ ли мы Французовъ? спросилъ онъ у одного австрійскаго солдата.

*

— Мы били непріятелей съ Лаудономъ, а съ вами разобьемъ его еще лучше, отвѣчалъ старый гренадеръ.

Прежде всего нашимъ войскамъ пришлось перевѣдаться съ французами подъ начальствомъ Моро. Даровитый французскій полководецъ надѣялся обмануть Суворова, заманить его отъ всѣхъ соединеній и разбить. Но Суворовъ прекрасно понималъ своего противника. «Моро—умный полководецъ, говорилъ онъ;—я радуюсь, что имѣю дѣло съ нимъ». Притворялись, что поддается обману, Суворовъ самъ обманулъ противника какъ нельзя лучше. Первая битва произошла при *Маренго*. Моро ударилъ на Русскихъ, но князь Багратіонъ остановилъ его. Скоро подоспѣлъ Суворовъ, и дѣло тотчасъ же приняло благопріятный оборотъ. Разбитый Моро бѣжалъ, оставя на полѣ битвы 2.500 человѣкъ. Теперь Моро старался соединиться съ другимъ французскимъ полководцемъ, который находился въ Италіи съ большимъ войскомъ. Суворовъ не допускалъ этого. Моро по-прежнему старался обмануть русскаго полководца, но не могъ успѣть въ своемъ намѣреніи. Стѣсняемый планами, которые навязывалъ ему вѣнскій придворный военный совѣтъ, Суворовъ все-таки находилъ средство бороться съ ними и доказывать храбрость русскаго войска. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ оставался вѣренъ своей тактикѣ: *быстрота*, *глазомѣръ* и *натискъ*. Труды были переходы нашего войска, и едва ли съ другимъ полководцемъ оно вынесло бы то, что выносило съ Суворовымъ. Старый герой самъ раздѣлялъ съ солдатами всѣ трудности. Онъ являлся тамъ, гдѣ, казалось, было всего опаснѣе. Часто войска утомлялись уже до-нельзя, но являлся Суворовъ и своими шутками и прибаутками снова поднималъ падавшій духъ арміи.

Отбивая крѣпости и города и не давая Моро соединиться съ Макдональдомъ, Суворовъ рѣшился сразиться съ послѣднимъ. При Кассано, мѣстечкѣ, извѣстномъ побѣдою Евгенія

Савойскаго, Макдональдъ ударилъ въ передовой отрядъ русскаго войска. Начальникъ этого отряда, князь Багратіонъ, съумѣлъ удержать натискъ непріятеля. Великій князь Константинъ Павловичъ, который сопутствовалъ Суворову въ Италію, самъ повелъ полкъ въ аттаку. Французы были смяты и принуждены отступить къ рѣкѣ Требіи. На другой день Суворовъ приказалъ напасть на Макдональда и оттѣснить его за Требію въ Піаченцу. Австрійскій генералъ Меласъ спросилъ, куда нужно отступить въ случаѣ пораженія, но Суворовъ, умѣвшій только идти впередъ, отвѣчалъ ему: «за Требію, въ Піаченцу». Началась кровопролитная битва. Багратіонъ штыками скоро рѣшилъ дѣло, такъ что Макдональдъ принужденъ былъ ослабить свой центръ, отрядивъ изъ него помощь къ смятому своему крылу. Замѣтивъ это, Суворовъ приказалъ ударить въ центръ арміи Макдональда и, несмотря на отчаянное сопротивленіе Французовъ, разбилъ ихъ окончательно. Непріятель отступилъ за Требію. Суворовъ хотѣлъ тотчасъ же пройти по его пятамъ, но крайнее утомленіе войска заставило его переждать эту ночь. Утромъ Макдональдъ снова завязалъ дѣло, и этотъ третій день битвы былъ самый трудный для обѣихъ сторонъ. Русскіе были утомлены до невозможности. Суворовъ показывалъ собою примѣръ храбрости всѣмъ солдатамъ. Въ сопровожденіи великаго князя Константина Павловича онъ въ одной рубашкѣ леталъ впереди своихъ полковъ. Французамъ сначала удалось прорвать нашу линію. Въ это время Суворовъ лежалъ въ крайнемъ утомленіи около камня, какъ вдругъ къ нему подскакалъ Багратіонъ и сказалъ, что сраженіе проиграно. «Конія!» закричалъ Суворовъ и вмигъ явился въ рядахъ колеблющейся русской арміи. «Заманивай, ребята!» закричалъ онъ. Наши отступили шаговъ на полтораста, но вдругъ остановились и приняли непріятеля въ штыки. Французы снова были отодвинуты за Требію. Пылкій Макдональдъ, не-смотря на рану,

думалъ дать еще сраженіе, но другіе генералы уговорили его отступить, потому что невозможно было побѣдить Суворова. Утомленіе войска было неописанное. На полѣ битвы лежали люди, погибшіе безъ всякой видимой причины и не иначе, какъ отъ истощенія силъ и невыносимаго жара. Разбитый Макдональдъ часть своей арміи послалъ на соединеніе съ Моро, а съ другою частью началъ отступленіе къ Пармѣ. Суворовъ его преслѣдовалъ, отрядивъ часть войска для того, чтобъ отрѣзать Моро обратный путь въ Геную. Впрочемъ назначенный для этого генералъ не съумѣлъ исполнить приказаній Суворова.

ГЛАВА XII.

Слава о подвигахъ Суворова быстро разнеслась по всей Европѣ. Съ удивленіемъ говорили о старомъ генералѣ, который такъ быстро и смѣло уничтожаетъ побѣдоносныя войска Французской республики. Снова засіяла радостная надежда и начало предсказывало счастливые результаты. Императоръ не зналъ, чѣмъ наградить своего полководца. Въ Петербургѣ провозглашено было многолѣтіе «высокоповелительному фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому». Молодой сынъ Суворова, присутствуя въ это время въ церкви, не могъ удержаться отъ слезъ и палъ въ ноги Императору. Павелъ Петровичъ похвалилъ такую сыновнюю любовь, сдѣлалъ молодаго Суворова генералъ-адъютантомъ и послалъ въ армію къ отцу. «Бейте Французовъ, а мы будемъ бить вамъ въ ладоши и молиться за васъ Богу», писалъ Императоръ, посылая Суворову портретъ свой въ перстнѣ, осыпанномъ брилліантами. Битва при Требіи сразу доказала Французамъ, какого опаснаго имѣли они передъ собой противника. Побѣды слѣдовали одна за другою, такъ что въ Вѣнѣ и Петербургѣ не

успѣвали получать увѣдомленія и ключи взятыхъ городовъ. Ломбардія, Піемонтъ и Тоскана возстали противъ французскаго владычества. Французы гибли всюду.

Успѣхи Суворова произвели страхъ въ Парижѣ и даже отозвались на берегахъ Нила.

«Безумцы!» воскликналъ Наполеонъ, получая увѣдомленія о подвигахъ русскаго полководца. — Они погубили всѣ мои побѣды. Суворовъ въ одинъ походъ уничтожилъ цѣлые годы трудовъ моихъ!» Видя паденіе французскаго владычества въ Италіи, Бонапартъ рѣшился наконецъ возвратиться въ Европу и сразиться съ старымъ героемъ, пожинавшимъ лавры его побѣдъ, какъ онъ самъ выражался. Между тѣмъ правительство Франціи рѣшилось передать Моро начальство надъ рейнскими войсками, а въ итальянскую армію послать молодаго генерала Жуберта. Это былъ любимецъ солдатъ, отважный, честный и умный полководецъ. Бредя о битвахъ, онъ 15-ти лѣтъ убѣжалъ изъ родительскаго дома и записался въ солдаты. Черезъ девять лѣтъ мы его видѣли уже генераломъ, прославившимся своими побѣдами. Наполеонъ отзывался о немъ какъ о человѣкѣ глубоко знающемъ свое дѣло. Жубертъ былъ помолвленъ въ то время, когда пришелъ къ нему приказъ отправиться въ армію. На дорогѣ онъ заѣхалъ къ своимъ будущимъ родственникамъ, повѣнчался съ невѣстою и черезъ недѣлю уже былъ въ Генуѣ. Моро, по просьбѣ Жуберта, остался на нѣсколько времени въ арміи, и новый командиръ снова оживилъ Французовъ.

Суворовъ, узнавъ о наступательномъ движеніи непріятеля, сказалъ: «Видно, что Жубертъ—молодой человѣкъ. Онъ пріѣхалъ поучиться у насъ военному искусству. Дадимъ ему урокъ!» Разсчитывая на малочисленность союзной арміи, Жубертъ расположился на высотахъ около Нови. Но Суворовъ обманулъ молодаго генерала. Онъ успѣлъ соединиться съ войсками генерала Края и скорымъ маршемъ шелъ на Фран-

цузовъ. Жубертъ, думая, что союзники не посмѣютъ аттаковать крѣпкую, высокую позицію, которую онъ занималъ, рѣшился дожидаться Суворова. 15-го августа произошла эта знаменитая битва. Наши ударили въ лѣвое крыло французской арміи и завладѣли высотами. Жубертъ бросился въ ряды товарищей съ крикомъ: «впередъ товарищи!» но упалъ, пораженный пулею. Увидѣвъ смерть любимаго полководца, Французы ожесточились и съ яростью кинулись на союзниковъ. Моро принялъ начальство. До 3 часовъ вечера высоты два раза переходили изъ рукъ въ руки. Всѣ удивлялись, что Суворовъ такъ долго длитъ сраженіе, но вотъ, когда наступила рѣшительная минута, когда ряды Русскихъ дрогнули отъ напора непріятеля, Суворовъ съ крикомъ: «Солдаты! за мной! Друзья-богатыри! Ура! Съ нами Богъ!» — бросился въ центръ французской арміи и разбилъ ее. Преслѣдовать бѣгущихъ было невозможно, вслѣдствіе крайней усталости нашего войска.

Въ награду за такой подвигъ императоръ Павелъ прислалъ герою княжескій титулъ съ названіемъ Свѣтлѣйшаго и Италійскаго. «Не знаю, кому пріятнѣе, писалъ Государь,— вамъ ли побѣждать, или мнѣ награждать васъ, хотя мы оба исполняемъ свое дѣло: я—какъ государь, вы—какъ полководецъ; но я уже не знаю, что вамъ дать: вы поставили себя выше всякихъ наградъ». Наконецъ, 24 августа, было приказано отдавать князю Италійскому, графу Суворову-Рымникскому, даже и въ присутствіи Государя, всѣ воинскія почести, подобно отдаваемымъ особѣ Его Императорскаго Величества.

Но не одинъ русскій Императоръ награждалъ освободителя Италіи. Сардинскій король возвелъ его въ чинъ главнокомандующаго всѣхъ сардинскихъ войскъ съ титуломъ и степенью кузеновъ королевскихъ и грандовъ Сардиніи. Императоръ Павелъ по поводу этого, между прочимъ, писалъ къ

Суворову. «Радуюсь, что вы мнѣ дѣлаетесь родною, ибо всѣ владѣтельныя особы между собою родней почитаются». Въ Англіи также громко раздавались подвиги Суворова. Въ Лондонѣ была выбита въ честь его медаль съ его изображеніемъ и въ театрахъ воспѣвались его побѣды. Знаменитый Нельсонъ говорилъ: «Меня осыпаютъ наградами, но нынче я удостоился величайшей награды: мнѣ сказали, что я похожъ на Суворова».

Англія была въ восторгѣ. Явились «суворовскія шляпы» и «суворовскіе пироги». Газеты были наполнены извѣстіями о подвигахъ русскаго фельдмаршала, и каждый Англичанинъ желалъ имѣть при себѣ его портретъ. Городъ Туринъ поднесъ ему шпагу, осыпанную брилліантами, и на сценѣ туринскаго театра явился огромный бюстъ его съ изображеніемъ всѣхъ его побѣдъ. Суворовъ былъ растроганъ и не могъ удержаться отъ слезъ при видѣ такой высокой благодарности.

ГЛАВА XIII.

Но, не-смотря на всю славу своихъ подвиговъ, Суворовъ понималъ, что его походъ не принесетъ желанныхъ результатовъ. Онъ видѣлъ медлительность Австріи и ея своекорыстныя цѣли. Напрасно онъ жаловался и доказывалъ несостоятельность распоряженій вѣнскаго придворнаго военнаго совѣта. «*Величайшая милость: превратите черепаху въ оленя*, писалъ онъ. *У фортуны голый затылокъ, а на лбу длинные волосы; лети ея молнійный: не схвати ее за хохолъ, ужь она не воротится. Не лучше ли одна кампанія вмѣсто десяти? Не лучше ли идти въ Парижъ, а не зараждать только входъ къ себѣ?*» Императоръ Павелъ, стремясь успокоить престарѣлаго героя, въ письмѣ къ нему просилъ пренебречь умыслами Австрійцевъ, «какъ недостойными тѣхъ видовъ,

копми подвиглись мы для спасенія Европы». Но однако вѣнскій военный совѣтъ употреблялъ всѣ средства какъ бы для того, чтобы связать Суворова. Тугутъ поручилъ ему оставить Италію и перенесть войну въ Швейцарію. «Иду, отвѣчалъ знаменитый полководецъ,—по горе тѣмъ, кто посылаетъ меня! Я билъ, но не добилъ Французовъ, и злоумышленники раскаются, но поздно». Трогательно было прощаніе Суворова съ товарищами его битвъ. И Меласъ и Суворовъ заплакали, какъ будто предчувствуя будущія бѣдствія. Эрцгерцогъ Карлъ, поражая Французовъ въ Швейцаріи, теперь получилъ приказаніе двинуться къ Рейну, оставивъ русскія войска, подъ начальствомъ Корсакова, дожидаться прихода Суворова. Нашъ герой усиленнымъ маршемъ спѣшилъ на помощь къ своему товарищу, и уже 15 сентября онъ явился передъ снѣжными вершинами Альповъ. Теперь кончилась итальянская кампанія, въ которой Суворовъ въ пять мѣсяцевъ разбилъ французскія войска въ двухъ большихъ и шести малыхъ сраженіяхъ. Предсказанья русскаго полководца сбылись: черезъ годъ съ небольшимъ Наполеонъ уничтожилъ всю славу этой блестящей кампаніи.

ГЛАВА XIV.

Теперь нашимъ войскамъ предстоялъ величайшій подвигъ—подвигъ преодолѣть самую природу, какъ говорилъ императоръ Павелъ I, и мы увидимъ, какъ это удалось Суворову. Для перехода черезъ утесистыя вершины сѣдыхъ горъ, русскій полководецъ распорядился такимъ образомъ: легкую артиллерію онъ приказалъ везти съ собою на мулахъ, а тяжелую переправить отдѣльно черезъ Миланъ, Граубинденъ и Тироль. Но проходъ по горнымъ вершинамъ замедлилъ Суворова, и онъ опасался, что Французы успѣютъ разбить Корсакова до его прибытія. «Будьте рѣшительны», писалъ онъ

послѣднему. «Гдѣ и какъ вамъ дѣйствовать, должно рѣшить вашимъ соображеніемъ. Замѣчу одно: никакого препятствія не надобно считать великимъ и никакого сопротивленія важнымъ. Ничто не должно устрашать насъ. Все совершили мы рѣшительнымъ натискомъ. Малѣйшая медленность усилитъ непріятеля и усугубитъ затрудненія наши въ такой землѣ, гдѣ нѣтъ ни продовольствія, ни дорогъ».

Трудепъ былъ переходъ нашихъ войскъ черезъ Альпы. «Кавказъ—ничто передъ Альпами», сказалъ Суворовъ, и это была правда. Гдѣ прежде осмѣливались бѣгать только дикія козы и прыгать, ощипывая кустарники, съ одной скалы на другую, тамъ явилась теперь цѣлая вооруженная армія и подводы съ артиллеріей. Сами иностранные историки сознаются, что переходъ Аннибала (знаменитаго полководца Карѳагенской республики) можетъ показаться дѣтскою забавою въ сравненіи съ смѣлымъ и удивительнымъ переходомъ Суворова. Казалось, сама природа возстала противъ русскихъ чудо-богатырей. Проливные дожди мочили армію и дѣлали скользкими страшно-крутыя тропинки между бездонными пропастями и ущельями. Французы на этотъ случай сдѣлали себѣ башмаки гвоздями вниз, а у нашихъ послѣ продолжительнаго похода часто сапоги были безъ подошвъ, такъ что необходимо было обвязывать ноги фалдами, отрѣзанными отъ мундировъ. Часто тропинка была такъ узка и крута, что по ней шли только по одному человѣку, да и то не шли, а карабкались, хватаясь руками за кустарники и выдающіяся неровности. Страхъ объялъ бы любую армію только при видѣ предстоящихъ трудностей, но наши полки двигались все впередъ и впередъ, нисколько не думая объ опасности, которая угрожала имъ каждую минуту. Часто люди и лошади срывались въ бездонныя пропасти и погибали тамъ, часто цѣлые десятки людей уносились въ бездну быстрымъ теченіемъ водопадовъ, но русская армія шла спо-

койно, болѣе помышляя о предстоящихъ побѣдахъ надъ Французами, нежели о смерти, которой они такъ часто подвергались. Что можетъ быть величественнѣе и изумительнѣе того подвига, который совершили русскіе богатыри, взошедши на снѣжную вершину Сенъ-Готарда? Суворовъ всегда былъ впереди и своимъ примѣромъ ободрялъ русскую армію. «Знаешь ли ты трехъ сестеръ, которыя провели насъ черезъ горы?» спрашивалъ онъ у Милорадовича. «Это—вѣра, надежда и любовь. Съ нами Богъ!» — Трудно было бороться нашимъ съ природою, тѣмъ болѣе, что ко всему этому прибавился еще недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ. Тутъ обѣщалъ прислать провіантъ въ русскую армію, но обманулъ, и теперь нѣкоторые солдаты, выбившись изъ силъ, отказывались идти далѣе. Узнавъ объ этомъ, Суворовъ приказалъ вырыть могилу и сказалъ, обращаясь къ солдатамъ: «Здѣсь меня похороните. Вы безславите мои сѣдины. Вы—не Русскіе, вы—мнѣ не дѣти. Не могу пережить вашего позора». Войско бросилось къ Суворову съ громкимъ крикомъ и рыданіями: «Отецъ нашъ! веди насъ куда хочешь. Мы умремъ съ тобою!»

При подошвѣ Сенъ-Готарда начались битвы. Французы открыли сильный огонь по рядамъ русскихъ полковъ. Два полковника были посланы аттаковать, но, раненые, они принуждены были воротиться назадъ. Тогда Багратіонъ бросился въ штыки и, послѣ двухъ неудачъ, прогналъ Французовъ. Суворовъ явился къ настоятелю Сенъ-Готардскаго монастыря, и послѣдній благословилъ его на дальнѣйшіе подвиги. Русскіе двинулись далѣе къ Чортову мосту, который висѣлъ надъ водопадомъ. Французы разрушали его. Но майоръ, князь Мещерскій, бросился защищать его, и, подъ градомъ непріятельскихъ пуль, русскіе офицеры связывали своими шарфами остатки бревенъ и переправлялись черезъ мостъ. Французы зажгли его, но и это не остано-

вило наши храбрыя войска. По горящимъ останкамъ они перешли по ту сторону и овладѣли сосѣднимъ мѣстечкомъ Альтдорфомъ *). Французы отступили къ Унтервальдену, и Багратіонъ очистилъ совершенно Мутенскую долину отъ непріятелей. Но здѣсь Суворовъ получилъ непріятное извѣстіе: Французы разбили русскаго генерала Корсакова и изъ арміи послѣдняго едва уцѣлѣли двѣнадцать тысячъ человѣкъ. Суворовъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ. Онъ болѣе уже не разсчитывалъ на блестящіе подвиги: теперь его цѣль заключалась только въ томъ, чтобы спасти остатки своего войска,— и здѣсь онъ показалъ себя необыкновеннымъ героемъ. Первымъ его дѣломъ было движеніе къ верхнему Рейну; но здѣсь ожидали его Французы. Два дня продолжалась битва и окончилась совершеннымъ пораженіемъ непріятелей. Теперь Су-

*) Нѣсколько вьюковъ поотстало на горахъ, а при переходѣ черезъ Чортовъ мостъ и остальное все погибло. 15 сентября, по изгнаніи Французовъ изъ Альтдорфа, дали намъ по мѣшку муки на каждую роту, что вышло ровно по горсти на каждаго солдата. Съ этимъ, да съ запасомъ въ ранцахъ и съ картофелемъ, который находили кое гдѣ, и то очень мало, мы шли до Гларуса.

Здѣсь, кстати, приведемъ разсказъ сослуживца Суворова, помѣщенный въ «Москвитянинѣ» подъ заглавіемъ: «Хочу, непремѣнно хочу почевать въ Гарисѣ.

«Вотъ мы уже на вершинѣ Альпъ. Идемъ, повсюду гонимъ и на смерть бьемъ Французовъ. Передъ городомъ Гарисомъ непріятель сдѣлалъ послѣднее усиліе: онъ занялъ предъ тѣснинною мѣсто. Съ одной стороны – высочайшій, непроходимый гребень горъ; съ другой—озеро и топь; въ срединѣ—узенькій путь, который почти былъ преграждаемъ къ озеру косымъ угломъ горы.

«Смертная борьба, которая продолжалась нѣсколько часовъ, доставила намъ предъугольную дорогу; множество французскихъ труповъ устилали этотъ узкій путь и прибрежье озера. Но далѣе для насъ—ни шагу.

«Непріятель передъ выходомъ изъ тѣснины расположился за каменною оградою кирки и осыпалъ насъ картечью и пулями. Много, много

воровъ могъ безпрепятственно отступить и такимъ образомъ спасти свою храбрую армію. Эрцгерцогъ Карлъ просилъ его охранять Граубинденъ, что привело нашего героя въ страшное негодованіе. «Воиновъ, увѣнчанныхъ побѣдами и завоеваніями, дерзаютъ назначать сторожами австрійскихъ границъ!» писалъ онъ къ Ростопчину. Немедленно онъ пришелъ въ городъ Фельдкирхенъ и здѣсь размѣнялъ Французовъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Швейцаріи, на плѣнныхъ Русскихъ. Суворовъ донесъ Императору о подвигахъ нашего войска среди всѣхъ ужасовъ природы и непріятелей. «Оставя за собою въ Италіи славу избавителей и сожалѣніе освобожденныхъ нами народовъ, писалъ онъ, — мы перешли цѣпи швейцарскихъ горныхъ стремнинъ. Въ семъ царствѣ ужасы на каждомъ шагу. Зіяли окрестъ насъ пропасти, какъ от-

разъ кидались наши впередъ, но ничего не могли сдѣлать; косвенный огонь непріятеля грудами клалъ нашихъ богатырей. Не было человѣческой, солдатски-Суворовской возможности пробиться къ Гларису; а это былъ одинъ путь въ мѣстечку Куръ.

«Стало темно. При малѣйшемъ нашемъ шорохѣ Французы обдавали насъ градомъ пуль и картечъ. Дождь, холодъ убивали наше тѣло, а не духъ. Мы были сердиты. «Что за нечистый перешелъ намъ путь!» говорили солдаты. Мы были голодны, очень голодны; у многихъ, да почти у всѣхъ, по нѣскольку дней сухаря не было во рту; однакожь гнусный ропотъ никому не приходилъ въ голову. За небесное благодѣяніе, за милость Божію—всякій считалъ нѣсколько добытыхъ картофелинъ. Мы были босы и почти голы; но духъ величайшаго, небывалаго въ мірѣ витязя, нашего батюшки Александра Васильевича Суворова, вѣра въ милосерднаго Бога, преданность царю, безпредѣльное повиновеніе начальству и самоувѣренность въ непобѣдимости—живили всѣхъ насъ.

«Былъ часъ десятый вечера темнаго, туманнаго. Дождь съ сильнымъ, холоднымъ вѣтромъ ливмя лился на насъ; мы дрогли, но ждали чего-то радостнаго, а не смерти. О смерти мы не думали,—ей Богу, не думали!

«Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, страдавшій отъ раны, которую

верстыя могилы. Мрачныя ночи, безпрерывные громы, дожди, туманы, при шумѣ водопадовъ, свергающихъ съ вершинъ горъ огромныя льдины и камни. Сенъ-Готардъ—колоссъ, ниже котораго носятся тучи, — все было преодолѣно нами, и въ недоступныхъ мѣстахъ не устоялъ передъ нами непріятель.... Русскіе перешли снѣжную вершину Винтнера, утопая въ грязи, подъ брызгами водопадовъ, уносившихъ людей и лошадей въ бездны.... Словъ не достаетъ на изображеніе ужасовъ, видѣнныхъ нами, среди которыхъ хранила насъ десница Провидѣнія». Наградою Суворову былъ санъ генералиссимуса всѣхъ россійскихъ войскъ и слѣдующій милостивый рескриптъ императора Павла Петровича: «Побѣждая всюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, не доставало вамъ еще одного рода славы—преодолѣть самую природу; но вы

за нѣсколько предъ тѣмъ дней получилъ въ бедро лѣвой ноги, сидѣлъ, прижавшись къ скалѣ горы и, ожидая чего-то, говорилъ стоявшей тутъ колоннѣ солдатъ: «Подождите! только немножко подождите! Богъ поможетъ, мы ночуемъ въ Гларисѣ. Скажу: впередъ! и дружно ударимъ. Пардону нѣтъ!»—«Слушаемъ, ваше сіятельство! Какъ бы поскорѣе!» говорили солдаты.

«Въ это время послышался чей-то голосъ: «Гдѣ князь Петръ? гдѣ Петръ?» спрашивалъ кто-то. Это было великій, величайшій, непобѣдимый нашъ отецъ Суворовъ. Онъ былъ въ плащѣ, какъ говорится, вѣтромъ подбитомъ,—въ плащѣ, сшитомъ до 1794 года. Старецъ сѣдой, плохо одѣтый, обмокшій, убитый обстоятельствами и Ундеръ-Куфтомъ!.. Багратіонъ встрѣтилъ его и, почти насильно ведя къ скалѣ, шепталъ: «Ради Бога тише, тише говорите, ваша свѣтлость!» Вдругъ залпъ французскихъ пуль и картечъ пронесся по озеру. «Князь Петръ! я хочу, непремѣнно хочу ночевать въ Гларисѣ. Мнѣ и вотъ имъ (указывая на колонну солдатъ) пора отдохнуть. Намъ холодно и голодно. Петръ! непремѣнно хочу ночевать въ Гларисѣ». —«Мы скоро будемъ тамъ! отвѣчалъ Багратіонъ.—Вотъ часа два тому, какъ я послалъ съ батальономъ гренадеръ подполковника Ломоносова, съ вѣрнымъ проводникомъ, обойти это озеро. Прошедши лѣсъ и топь, онъ за кирхою зайдетъ въ тылъ Французамъ. Вотъ на этотъ гребень горъ послалъ я Дендрыгина

и надъ нею одержали нынѣ верхъ. Нынѣ, награждая васъ по мѣрѣ признательности моей и ставя въ высшую степень, чести и геройству предоставленную, увѣренъ, что возвожу на оную знаменитѣйшаго полководца сего и другихъ вѣковъ». Кромѣ всего этого Императоръ приказалъ воздвигнуть ему въ Петербургѣ памятникъ.

Проходя черезъ Швейцарскія горы и смотря на дикія ущелья и водопады, Суворовъ воскликнулъ: «Неужели Державинъ промолчитъ о нашихъ дѣлахъ?» И дѣйствительно поэтъ не промолчалъ. Онъ воспѣлъ переходъ черезъ Альпійскія горы въ громкихъ стихахъ, которые съ удовольствіемъ прочитаетъ каждый русскій человѣкъ. Конецъ этихъ стиховъ слѣдующій:

Отнынѣ горы въ вѣкъ Альпійски
Пребудутъ Россовъ обелиски!....

съ гренадерами и егерями; онъ непремѣнно перейдетъ какъ-нибудь этотъ гребень и будетъ ждать залпа Ломоносова. Лишь залпъ, мы дружно ударимъ въ штыки. Головою ручаюсь вамъ, ваша свѣтлость, вы будете ночевать въ Гларисѣ!» — «Спасибо, князь Петръ, спасибо! Хорошо! Помилуй Богъ хорошо!» говорилъ батюшка Александръ Васильевичъ.

«Тихо проводилъ его князь Петръ Ивановичъ. Не прошло и десяти минутъ послѣ этого, какъ послышались выстрѣлы на гребнѣ горы. Чаще, чаще, и—о, Божіе милосердіе! залпъ Ломоносова сзади кирки! Мы встрепенулись и съ крикомъ князя Багратіона: «ура!» перелетѣли пространство и ужь кололи Французишковъ. Потѣха, раздолье молодецкое! Много этой нечисти пало подъ штыками, но болѣе взято въ плѣнъ.

«Эта послѣдняя преграда выходу изъ горъ была разрушена единственно Божіею милостію, и отецъ нашъ Суворовъ ночевалъ въ Гларисѣ, а мы, обогрѣвшись у огня, обновили работу зубъ нашихъ надъ французскими сухарями и швейцарскимъ сыромъ. Все это нашли въ городскихъ французскихъ магазинахъ и собрали отъ городскихъ жителей».

ГЛАВА XV.

Теперь нашъ герой началъ помышлять о возвращеніи на родину. «Сколько ни мужались», писалъ онъ, «а вижу, что либо въ гробѣ, либо въ хуторѣ какомъ-нибудь искать убѣжища». Теперь австрійское правительство снова начало просить Суворова, чтобъ онъ остался на поляхъ битвы.

Эрцгерцогъ Карлъ просилъ личнаго свиданія, но Суворовъ отказалъ и въ отдѣльной замѣткѣ, которую онъ назвалъ *военною физикой*, русскій полководецъ предложилъ условія, на которыхъ онъ готовъ согласиться продолжать войну. Вотъ извлеченіе изъ этихъ замѣтокъ: «направивъ арміи, соединиться; идти зимою; дѣйствовать всѣми силами, прямою линіей, опрокинуть непріятеля въ центрѣ, раздавить его, преслѣдовать и изгнать изъ Швейцаріи.... Обломки непріятелей могутъ быть истреблены безъ хлопотъ и въ немного времени. Это—на мѣсяцъ работы. Надобно только беречься адскаго жерла методиковъ. Прочь зависть, контръ-марши и демонстраціи: онѣ—ребяческія игрушки....»

Въ своемъ письмѣ къ Суворову эрцгерцогъ, между прочимъ, назвалъ отступленіемъ выходъ Русскихъ изъ Швейцаріи. Обиженный генералиссимусъ отвѣчалъ: «во всю жизнь я не зналъ отступленій, какъ равно и оборонительной войны. Я иду на зимнія квартиры—укрѣпиться на новыя побѣды и на возстановленіе Французскаго королевства, если Богъ поможетъ».

Императоръ Павелъ также былъ разочарованъ въ своемъ двоедушномъ союзникѣ. Съ особеннымъ негодованіемъ узналъ онъ о выходѣ эрцгерцога Карла изъ Швейцаріи. «Не хочу тратить войска для тѣхъ, кто утратилъ время и хочетъ замѣнять себя союзниками для своихъ выгодъ», писалъ онъ къ Суворову. Или, въ другомъ мѣстѣ: «неподвижность, своесокрытіе, завладѣніе чужими землями, повтореніе о возна-

гражденіи за убытки, двоякое поведеніе и лесть, когда я не могу забыть о возможности новаго Кампо Формію, заставляютъ меня предписать вамъ осторожность. Цѣль моя—возстановленіе Французскаго королевства. Удостовѣрясь въ неискренности союзниковъ, или дѣйствуйте отдѣльно, или идите въ Россію. Я веду переговоры съ Англіей и Пруссіей. Мужайтесь на побѣды и труды, живите съ Богомъ и со славою». Дозволяя Суворову дѣйствовать отдѣльно и самостоятельно, Императоръ увѣдомлялъ его, что готовъ прислать еще 75 тысячъ войска, стоящаго на границѣ. Между тѣмъ Австрія все еще стремилась разными происками достигнуть расположенія императора Павла. Министръ Тугутъ прислалъ въ Петербургъ своего любимца, Дитрихштейна; но послѣдній не успѣлъ сдѣлать ничего для своего правительства. Разсерженный русскій Императоръ выслалъ изъ своего государства всѣхъ кліентовъ Тугута, и Суворовъ получилъ безусловное приказаніе окончить всѣ военныя дѣйствія. Напрасно Англія и Пруссія убѣждали Императора пожертвовать для общаго дѣла «справедливыми причинами негодованія на Австрію». — «Войска мои принесены въ жертву; политика противна моимъ намѣреніямъ и благосостоянію Европы. Поведеніе австрійскаго министерства, причинъ коего я знать не желаю, заставляетъ меня общее дѣло прекратить, дабы не утвердить торжества въ дѣлѣ вредномъ», отвѣчалъ Императоръ. «*Мой отвѣтъ одинъ*: пока Тугутъ министромъ, я ничему не вѣрю и ничего дѣлать не стану. Идите; пусть узнаютъ, каково быть оставляему на побіеніе. Храните войско мое. Вижу, что безъ васъ ему не побѣждать», говорилъ онъ въ письмѣ къ Суворову.

Тогда австрійскій императоръ обратился съ просьбами къ русскому полководцу. Онъ умолялъ его не прерывать союза, заключеннаго съ цѣлью благосостоянія Европы. Эта просьба подѣйствовала на Суворова: «Пусть почтетъ меня винова-

тымъ мой государь и повелитель,—я готовъ ждать еще; поведу войско медленно и петерпѣливо буду ждать повелѣнія», писалъ онъ. Самъ императоръ Павелъ соглашался снова начать военныя дѣйствія, но только съ условіемъ, чтобы всѣ союзныя войска были предоставлены Суворову, чтобы цѣлью союза было возстановленіе Бурбоновъ во Франціи, и чтобы война окончилась не иначе, какъ взятіемъ Парижа. Робкій вѣнскій военный придворный совѣтъ не рѣшился принять такія смѣлыя условія, и Суворовъ повелъ свою армію на родину. Цѣль союза, очевидно, не была достигнута, и громкія побѣды стараго полководца не дали желанныхъ результатовъ. Нашъ герой понималъ это лучше всѣхъ и, собираясь въ обратный путь, воскликнулъ: «я билъ, но не добилъ Французовъ. Парижъ — мой пунктъ. Бѣда Европѣ!» И предвѣщанія его сбылись. Въ тотъ самый день, когда Суворовъ покидалъ Швейцарію, къ берегамъ Франціи пристalъ корабль, съ котораго вышелъ любимецъ счастія и надежда французскаго народа—Наполеонъ Бонапартъ. Ужаснулся французскій герой, увидавъ всѣ подвиги Суворова. Для насъ очень любопытны тѣ упреки, съ которыми онъ обратился къ правителямъ республики:

«Что сдѣлали вы съ Франціей, которую я оставилъ вамъ столь цвѣтущею? говорилъ Бонапартъ.—Я оставилъ вамъ миръ, а нахожу войну; оставилъ побѣды, а нахожу пораженія; оставилъ милліоны Италіи, а нахожу вездѣ хищничество и нищету. Гдѣ 100.000 Французовъ, въ которыхъ сознавалъ я товарищей славы моей?»

Съ горестью помышлялъ Суворовъ о томъ, что ему не удалось достигнуть вершины своей славы — сдѣлаться спасителемъ Европы. Но онъ не показывалъ виду и во все время своего обратнаго похода казался необыкновенно веселымъ. Въ Аугсбургѣ прислали къ нему почетную стражу. «Меня охраняетъ народная любовь», сказалъ Суворовъ и отослалъ

стражу обратно. На балѣ у принцессы Турнъ-Таксисской въ Регенсбургѣ онъ смѣялся, шутилъ, говоря, что снятый съ него портретъ совершенно не похожъ. «Я не смотрѣлъ въ зеркало сорокъ лѣтъ, по помню, что я тогда былъ красавецъ, а здѣсь написанъ какой-то старикъ», говорилъ Суворовъ, прыгая по комнатамъ. Въ Нейтитченѣ нашъ герой захотѣлъ взглянуть гробницу австрійскаго полководца Лаудона. Длинная латинская эпитафія исчисляла всѣ дѣла и чины покойнаго, но Суворовъ, глядя на все это, замѣтилъ: «къ чему такая длинная надпись? Когда я умру», прибавилъ онъ, обращаясь къ директору своей канцеляріи, Фуксу, «на моей гробницѣ напишите только три слова: *Здѣсь лежитъ Суворовъ*,— и болѣе ничего».

Въ Прагѣ, гдѣ довольно долго прожилъ Суворовъ, англійскій и австрійскій дворы въ послѣдній разъ попытались склонить нашего полководца на дальнѣйшіе подвиги и прислали къ нему своихъ генераловъ для переговора. Но Суворовъ отказался. Здѣсь онъ сосваталъ курляндскую принцессу за своего сына. На вечеру, который онъ давалъ по поводу этого событія, онъ веселился, плясалъ, подтрунивалъ надъ Нѣмцами, заставляя ихъ произносить трудно-выговариваемыя русскія слова, какъ напримѣръ: высокоблагородіе, высокопревосходительство, и смѣялся надъ ихъ неумѣньемъ чисто произносить букву *ы*. Слава вездѣ предшествовала Суворову. Каждый желалъ посмотрѣть стараго генерала, который въ шесть мѣсяцемъ произвелъ столько изумительныхъ подвиговъ. Курфюрстъ саксонскій прислалъ къ нему своего живописца Миллера съ просьбою позволить снять съ него портретъ для Дрезденской галлереи. «Ваша кисть», сказалъ Суворовъ Миллеру, «изобразитъ черты лица моего: онѣ видимы, но внутренній человѣкъ во мнѣ скрытъ. Я долженъ сказать вамъ, что я лилъ кровь ручьями. Трепещу, но люблю моего ближняго; въ жизнь мою никого не сдѣлалъ я несчастнымъ, не подпи-

салъ ни одного смертнаго приговора, не раздавилъ ни одного насѣкомаго, бывалъ малъ, бывалъ великъ! Вдохновитесь геніемъ и начинайте», прибавилъ онъ.—«Твой геній вдохновитъ меня», отвѣчалъ Миллеръ.

Суворовъ все еще надѣялся уладить непріятности между двумя императорами и снова начать войну, необходимую для спасенія Европы. Съ горестью вспомнилъ онъ объ интригахъ австрійскаго двора и въ особенности Тугута. Да и какъ было не сердиться нашему полководцу на трусливаго и своекорыстнаго министра, который постоянно мѣшалъ его блестящимъ подвигамъ. «Безъ него въ ноябрѣ я былъ бы въ Ліонѣ и праздновалъ бы новый годъ въ Парижѣ», говорилъ Суворовъ. Онъ вполнѣ сознавалъ свое превосходство, и это гордое и вмѣстѣ съ тѣмъ благородное сознаніе особенно проглядывало въ его замѣткахъ, которыя онъ назвалъ *военною физикой*. «Эрцгерцогъ Карлъ, если онъ не при дворѣ, а въ лагерѣ, такой же полководецъ, какъ и Суворовъ, кромѣ того, что Суворовъ старше его опытностью и разрушилъ современную теорію, особливо въ послѣднее время побѣдами въ Польшѣ и Италіи: потому правила искусства принадлежатъ ему». Прощаясь въ Прагѣ съ австрійскимъ генераломъ Белльегардомъ и англійскимъ лордомъ Минто, Суворовъ произнесъ знаменитыя слова, которыя оправдались въ 1812 году во всей своей силѣ и изумительной ясности: «Если хотите еще воевать съ Франціей, воюйте хорошо, ибо война плохая—смертельный ядъ. Лучше совсѣмъ не предпринимать войны. Всякій изучившій духъ революціи былъ бы преступникъ, умалчивая о томъ. Первая великая война съ Франціей должна быть также и послѣдняя».

ГЛАВА XVI.

Императоръ Павелъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда Суворова въ Петербургъ и безпрестанно писалъ къ нему ласко-

выя письма: «Спѣшите ко мнѣ. Не мнѣ тебя награждать, герой, но мнѣ чувствовать и цѣнить твои дѣла, отдавая тебѣ должное». Въ Прагѣ нашъ великій полководецъ простился съ своими чудо-богатырями, заплакалъ и передалъ начальство надъ ними генералу Розенбергу, оставивъ при себѣ небольшую свиту. Въ Краковѣ, на балѣ у одного графа, онъ почувствовалъ себя нездоровымъ и долженъ былъ остановиться своею поѣздкой въ Петербургъ. Услышавъ о болѣзни Суворова, императоръ Павелъ Петровичъ очень встревожился и послалъ къ нему своего придворнаго медика, Вейкарта. Не-смотря на все свое недовѣріе къ медицинѣ, Суворовъ, въ угоду Государя, принималъ предписываемыя ему лѣкарства, хотя и подсмѣивался надъ своимъ докторомъ. Когда послѣдній посовѣтовалъ ему пользоваться водами, Суворовъ отвѣтилъ съ ироніей: «Помилуй Богъ! Посылайте на воды здоровыхъ богачей, игроковъ, интригановъ, а я боленъ не шутя. Мнѣ надобны: деревенская изба, молитва, баня, кашица, да квасъ». Не-смотря на свое нездоровье, онъ не соглашался ѣсть скоромное, по случаю Великаго поста, и принуждалъ лейбъ-медика Вейкарта ѣсть вмѣстѣ съ собою постное и ходить въ церковь, что очень бѣсило Нѣмца-доктора. Надежда на расположеніе Императора утѣшала его болѣе всего во время болѣзни. «Вотъ это вылѣчитъ меня лучше Ивана Ивановича Вейкарта!» говорилъ онъ. «Поѣду въ Петербургъ, увижу Государя, а потомъ—умирать въ деревню».

Наконецъ здоровье Суворова начинало мало-по-малу поправляться. Ему было позволено продолжать путь, впрочемъ, проѣзжая не болѣе 25 верстъ въ день. Герой съ удовольствіемъ помышлялъ о своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, о той минутѣ, когда онъ упадетъ на колѣна передъ обожаемымъ монархомъ; но этимъ утѣшительнымъ надеждамъ не суждено было исполниться. На дорогѣ онъ вдругъ получаетъ извѣстіе, что Государь на него разгнѣвался; вѣроятно, навѣты

клеветниковъ и завистниковъ отшатнули отъ него сердце Императора; но, какъ бы то ни было, это печальное извѣстіе окончательно сразило героя. Болѣзнь усилилась, онъ принужденъ былъ остановиться въ одной литовской избѣ и изъ устъ его часто вырывались горькія слова: «Боже Великій! За что я такъ страдаю!» Однако онъ снова поправился, по крайней мѣрѣ на столько, что могъ продолжать дорогу. Въ Ригѣ, гдѣ онъ провелъ праздникъ Пасхи, Суворовъ собралъ на столько силъ, что въ полномъ мундирѣ прослушалъ обѣдню и разгавливался у рижскаго губернатора. Но послѣ этого болѣзнь съ новою силой овладѣла имъ, такъ что отъ Риги до Петербурга онъ принужденъ былъ ѣхать цѣлыя двѣ недѣли. «Охъ, что-то устарѣлъ я», улыбаясь говорилъ онъ.

На другой день своего пріѣзда въ Петербургъ, умирающій герой получилъ отъ короля Людовика XVIII ордена св. Лазаря и св. Богородицы Кармельской. «Откуда присланы?» спросилъ Суворовъ.—Изъ Митавы, отвѣчали ему.—«Какъ изъ Митавы?... Король французскій долженъ быть въ Парижѣ», проговорилъ онъ съ улыбкою. Эта улыбка лучше всего выражала то презрѣніе, которое онъ питалъ къ австрійскимъ генераламъ, поднявшимъ оружіе на защиту Бурбоновъ. «Примите, герой великій, писалъ Людовикъ XVIII,—знаки почестей отъ несчастнаго монарха, который не былъ бы несчастнымъ, еслибы слѣдовалъ за вашими знаменами». Услыхавъ эти слова, Суворовъ заплакалъ, перекрестился и поцѣловалъ кресты орденовъ.

Смертныя минуты приближались. Обезсиленный, умирающій полководецъ приказывалъ передвигать себя на креслахъ, опускалъ голову на грудь и говорилъ со слезами на глазахъ: «Зачѣмъ не умеръ я тамъ, въ Италіи?»—Наконецъ онъ пригласилъ къ себѣ священника и исповѣдался и причастился св. Таинъ. Въ ночь на 6-е мая начались смертныя томленія. Больной въ бреду произносилъ безсвязныя слова, все

думая о битвахъ и побѣдахъ. «Генуя!... Сраженіе.... Впередъ!»... восклицалъ онъ. Въ 12 часовъ дня великій герой, такъ недавно оглашавшій Альпы своими побѣдами, скончался.

ГЛАВА XVII.

Вѣсть о смерти Суворова поразила всѣхъ Русскихъ. Императоръ долго стоялъ задумавшись и тихо произнесъ: «Вотъ еще герой, заплатившій дань природѣ». Солдаты, которые такъ недавно шли къ побѣдѣ подъ знаменами престарѣлаго полководца, теперь плакали навзрыдъ, услыхавъ извѣстіе объ его смерти. Домъ, въ которомъ лежало его тѣло, былъ окруженъ толпою народа, и каждый спѣшилъ поклониться праху героя, блестящіе успѣхи котораго радостно потрясали всякое, любящее отчизну, сердце, и въ которомъ всѣ привыкли видѣть представителя русской славы и народности. День похоронъ былъ назначенъ на 9-е мая. Множество генераловъ и важныхъ сановниковъ и безчисленное количество народа провожали гробъ съ тлѣнными останками Суворова до Александро-Невской обители. Отпѣваніе совершалъ митрополитъ Амвросій. Въ послѣдній разъ загремѣли пушки, когда послѣ словъ *земля и въ землю идешь*,—опускали въ нѣдра общей всѣхъ матери гробъ его.

Прахъ А. В. Суворова покоится въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви святаго Благовѣщенія, и на гробѣ его сдѣлана надпись, какую онъ самъ завѣщалъ, но которая впослѣдствіи была дополнена такъ: *Генералиссимусъ, Князь Италійскій, Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій, родился 1729 года 15 ноября, скончался 1800 года мая 6-го дня.*